

**ПАМЯТНИКИ
ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ
ДАГЕСТАНА:**
сборник статей

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ,
КУЛЬТУРЫ И АРХИТЕКТУРЫ»

**ПАМЯТНИКИ
И С Т О Р И И
И КУЛЬТУРЫ
ДАГЕСТАНА:
*сборник статей***

Махачкала, 2023

ББК 63.3 (2Р-6Д)

УДК 94 (470.67)

П15

Рекомендовано к публикации решением научно-методического совета
Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан
от 30 июля 2023 г.

Рецензируемое научное издание.

Рецензенты:

Аллаев Н.М., начальник Отдела по работе с единым государственным
реестром объектов культурного наследия Агентства по охране культурного
наследия РД, кандидат исторических наук;

Гаджиев М.С., заведующий Отделом археологии ИИАЭ ДФИЦ РАН,
доктор исторических наук, профессор;

Магарамов Ш.А., заведующий Отделом древней и средневековой истории
ИИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук;

Магомедова З.А., старший научный сотрудник ИИАЭ ДФИЦ РАН,
кандидат исторических наук

ISBN 978-5-904975-44-9

П15 Памятники истории и культуры Дагестана: сборник статей /
предисловие – Абдулмуслимов А.М., составитель и ответственный
редактор – Мусаев М.А. Махачкала, 2023. – 128 с.: ил.

В данном сборнике представлены образцы изучения отдельных объектов культурного наследия, расположенных в Дагестане, – памятников истории, архитектуры, археологии, искусства, погребальной культуры. Издание предназначено для специалистов по истории Восточного Кавказа, а также широкой читательской аудитории, интересующейся историческим прошлым региона.

ББК 63.3 (2Р-6Д)
УДК 94 (470.67)

ISBN 978-5-904975-44-9

© ГБУ РД РЦОПИК
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдулмуслимов А.М.</i> Предисловие	4
<i>Сайнудинов М.Ш., Абдулаев А.М., Идрисов И.А.</i> Археологические исследования кургана №112 Зеликакинского курганного могильника I в 2023 г.	7
<i>Шехмагомедов М.Г., Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш.</i> Памятники кубачинского кладбища «Бидах хуппе»	29
<i>Мусаев М.А.</i> Примечательные памятники, выявленные Эпиграфической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН в последние годы	61
<i>Абдулаев А.М.</i> Башенная архитектура Дагестана (общий обзор)	78
<i>Мусаев М.А.</i> Шиле-Гуллинский деревянный мост.....	100
<i>Гаджиев Р.И.</i> Дом Гамзата Цадасы	116
Сведения об авторах.....	125

*Посвящается 100-летнему юбилею
Поэта, Гражданина, Человека
Расула Гамзатовича Гамзатова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие друзья!

В этом году мы празднуем 100-летний юбилей великого Поэта, Гражданина, Человека Расула Гамзатовича Гамзатова. В своих выдающихся произведениях он воспел свою Родину, обычаи и традиции, предания и творчество, нравственность и духовные ценности, все созданное поколениями наших предков – дагестанскую культуру. Неотъемлемая часть культуры любого народа – это памятники – вещественные свидетельства исторического развития общества. Они передают дух нации, наглядно демонстрируют его трудолюбие, эстетику, технологии.

Более 10 тысяч лет назад после последнего ледникового периода началось освоение современным человеком прекрасной земли, которая сейчас называется Дагестан. Следы далеких поколений предков всех исторических эпох, хоть и сокрытых под землей, но исследованных и интерпретированных, свидетельствуют о тернистом и ярком пути их цивилизационного развития. Изучение этих археологических памятников позволило ученым воссоздать стройную картину развития человеческого общества на Восточном Кавказе. Но все еще остается множество

тайн, которые могут быть раскрыты при изучении городищ, могильников, стоянок, укреплений, производств, мест совершения древних религиозных обрядов. Наше дело – сохранить их для последующего изучения учеными-археологами, что, безусловно, позволит обогатить наши знания о прошлом. Таких памятников под государственной охраной на сегодняшний день 1793 единицы, и большинство из них ждут своего исследователя.

Среди дагестанских археологических памятников есть уникальные, имеющие мировое значение, палеолитические стоянки, на которых выявлены древнейшие следы культуры. Они относятся к начальной эпохе истории человечества – олдовану, а возраст орудий приближается к двум миллионам лет. В настоящее время они являются одними из наиболее древних в мире свидетельств появления человека вне его прародины – Восточной Африки. В Евразии лишь единичные пункты находок имеют близкий с дагестанскими возраст.

Кроме археологических памятников на территории Дагестана расположено 160 объектов культурного наследия федерального значения – мечети, минареты, церкви, жилые здания и общественные сооружения. Особое место среди них занимают объекты, расположенные в г. Дербенте, признанные ЮНЕСКО памятниками всемирного наследия. В их числе одна из старейших сохранившихся мечетей «Джума», цитадель «Нарын-кала», крепостные стены и другие исторические памятники древнейшего города нашей страны.

Также под государственной охраной в Республике Дагестан находятся 4296 объектов регионального, 3 муниципального значения, 2221 выявленный объект, которые ждут экспертизы на предмет включения в государственный реестр. Число этих памятников пополняется, и здесь большую роль играет поисково-исследовательская работа дагестанских ученых-историков. Зачастую именно по их рекомендации обследованные памятники становятся объектами государственной охраны.

Научная работа является основой не только в выявлении памятников, но и в мероприятиях по их сохранению – реставрации, консервации, приспособлению для современного использования. Профессиональная охрана памятников культурного наследия дает возможность дальнейшей научно-исследовательской работе по их изучению – описанию, определению характеристик, датировке и др.

В данном сборнике представлены работы опытных ученых и молодых исследователей, объектами изучения которых стали памятники археологии, архитектуры, погребальной культуры, искусства

и пр., представляющих разные эпохи и расположенные в разных уголках Страны Гор. Исследования демонстрируют не только отдельные образцы и богатство исторического прошлого Дагестана, но и успехи региональной исторической научной школы.

Прочитав этот сборник, вы узнаете о результатах археологических раскопок кургана, произведенных в этом году, о замечательных памятниках камнерезного искусства XIV–XV вв. одного из кладбищ знаменитого аула Кубачи, об удивительном образце местного мостостроения – Шиле-Гуллинском деревянном мосте, об интересных находках эпиграфических экспедиций последних лет, ознакомитесь с дагестанской башенной культурой. Завершает сборник описание дома Гамзата Цадасы – родного очага **нашего Расула**.

Ознакомление со статьями позволит всем нам погрузиться в историю через мир материальной культуры и обогатить свои знания на отдельных ее примерах.

С уважением,
Абдулмуслимов А.М.
*Председатель Правительства
Республики Дагестан*

*Сайпудинов М.Ш.,
Абдулаев А.М.,
Идрисов И.А.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА №112 ЗЕЛИКАКИНСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА I В 2023 г.

Зеликакинский курганный могильник I был выявлен летом 2019 г. Приморским отрядом Дагестанской археологической экспедиции ООО «НПЦ Туризм и краеведение» в ходе инвентаризации памятников археологии, расположенных на территории Карабудахкентского района Республики Дагестан.

В процессе работ 2019 г. была проведена подробная инвентаризация ВОКН «Зеликакинский курганный могильник I» с составлением топографического плана участка могильника. Могильник насчитывает 146 курганов. У 50 курганных насыпей видны камни, входящие в структуру насыпи. Такие курганы преобладают в северной части могильника. Курганы 144–146, более крупные по размеру, стоят поодаль от основной группы: курганы 144 и 145 – в 100 м к В, курган 146 – в 310 м к ЮВ. Современное состояние ВОКН «Зеликакинского курганного могильника I» неудовлетворительное. Могильник подвергся серьезному антропогенному воздействию. Так, в северо-западной части могильника проходит оросительный канал, а по южной части могильника проходят грунтовые дороги. Насыпи курганов №№ 12, 30, 34, 47, 49, 56, 76, 79, 84, 93, 100, 118, 127, 129, 130, 132, 133, 137, 143 повреждены грабительскими ямами и заплывшими ямками. Курганы под №№ 27, 40, 81, 82, 86, 93, 99, 101, 105–107, 110, 117, 118, 122, 126, 134, 138, 142 имеют нарушенные проходящей по ним грунтовой дорогой полы насыпей. На вершине насыпей курганов № 57 и № 145 находится триангуляционный знак, вокруг которого вырыт небольшой ровик. Полы насыпей курганов №№ 1, 5, 13, 18 засыпаны выкидом из проходящего рядом канала недействующей оросительной системы. Насыпи курганов №№ 16, 113, 144, 146 повреждены траншеями шириной до 0,45 м¹.

---

¹ Сайпудинов М.Ш. Отчет об инвентаризации памятников археологии в Карабудахкентском районе Республики Дагестан в 2019 г. // Архив ООО «НПЦ туризма и краеведения».

ВОКН «Зеликакинский курганный могильник I» находится в тектонической зоне Терско-Каспийского прогиба. Приурочен к северо-восточной крылу Талгинской антиклинали, которое погружается на восток – северо-восток. В рельефе крыло выражено хребтом Канабур, сложенном песчаниками и глинами миоцена (чокракский и караганский ярусы) [1, с. 242]. Высота хребта непосредственно в районе работ порядка 250 м. В пределах 2 км к югу превышает 400 м (г. Чабактау).

Северный склон хребта размыт разновозрастными морскими трансгрессиями. Террасы хазарского возраста сильно размыты и сохранились фрагментарно. Хорошо сохранилась терраса стадии максимума хвалынской трансгрессии, по поверхности которой проходит федеральная автодорога. Берег этой стадии (+50 м) проходил непосредственно вдоль восточной периферии курганного могильника [2, с. 125].

Берега различных морских трансгрессий размывали пологопадающие на восток слои и образовывали скалистый и покрытый бенч, по аналогии с современным берегом и дном в районе г. Избербаш [3, с. 73]. За счет избирательной абразии пласты песчаника образуют куэстообразные возвышенности с покатыми северо-западными склонами и относительно крутыми юго-западными. Вблизи от района работ такие участки древнего берега сохранились в виде останцев Уйташ. Непосредственно участок работ представляет собой такой останец, но в значительной степени перекрытый песчано-глинистыми наносами. В рельефе в северной части он выражен узкой грядой длиной до 60 м, постепенно расширяющейся к югу до ширины в 400 м. Гряда вышележащей к северу морской террасы выше на 6–7 м. Как и остальные гряды она отличается покатым на восток склоном крутизной до 15° и относительно крутым коротким склоном на юго-запад крутизной до 30° , непосредственно вдоль основания, которого вырыт мелиоративный канал глубиной до 3 м. Гряда густо покрыта курганами. В центре гряда оконтурена с северо-запада еще одной грядой, на которой расположен крупный курган. Рядом с ним заметен выход песчаника на поверхность. Пространство между грядами относительно понижено с перепадом высот до 2 м, имеет затрудненный сток и занято засоленными участками. На периферии одного из таких участков расположен изучаемый курган № 112 (рис. 2; 11). Ранее памятник не раскапывался. В связи с этим памятнику в ходе разведок была дана широкая датировка от эпохи бронзы до Раннего Средневековья, когда в Приморском Дагестане был известен курганный обряд погребения.

Результаты археологических исследований

В марте-апреле 2023 г. Приморский отряд Дагестанской археологической экспедиции ГБУ РД «Республиканский центр охраны памятников истории, культуры и архитектуры» провел археологические раскопки на территории кургана №112 ВОКН Зеликакинского курганного могильника I в Карабудахкентском районе Республики Дагестан (рис. 1). Целью работ было получение новых данных для реконструкции погребального обряда населения равнинной зоны Приморского Дагестана в первой половине – середине I тыс. н.э.

Курган №112 расположен в восточной периферии курганного могильника, антропогенное воздействие на данный курган визуально не наблюдается (рис. 2). Насыпь кургана № 112 круглой в плане формы диаметром 9 м и высотой 0,4 м (рис. 3, 1). За репер была принята самая высокая точка насыпи кургана. Для фиксации стратиграфии насыпи была размечена бровка шириной 50 см, ориентированная по линии север-юг. Для фиксации стратиграфии насыпи был выбран западный фас бровки (профиль север-юг). Насыпь снималась вручную, так как курган имел небольшие размеры и раскапывался впервые. Техника применялась при рекультивации территории объекта. Нивелировочные данные от центрального репера кургана к северу составили: ± 0 см; -3 см; -8 см; -22 см; -34 см; -39 см. Падение уровня северной полы кургана составило 39 см. Нивелировочные данные от центрального репера к югу составили: ± 0 см; -4 см; -18 см; -28 см; -33 см; -35 см. Падение уровня южной полы кургана составило 35 см. Восточная пола кургана была круче западной полы на 12 см в результате естественного наклона гряды на восток (рис. 3).

В процессе разбора восточной полы на уровне древней почвенной поверхности были обнаружены фрагменты плоского донца серо-глиняного сосуда, на дне сосуда имеется оттиск клейма в виде прямой линии в круге. В тесте обильные примеси толченого ракушечника и песка. Обжиг восстановительный. Глубина обнаружения – 48 см (рис. 5). В западной поле кургана под насыпью на глубине 43 см над входной ямой обнаружено скопление фрагментов от верхней части серо-коричневоглиняного горшка. Венчик прямой, сильно отогнут наружу, ниже венчика по тулову проходят две горизонтальные параллельные полосы. В тесте обильные примеси крупнотолченого ракушечника и мелкого песка. Обжиг восстановительный (рис. 6).

Археологическое изучение и описание входной ямы

Под насыпью кургана № 112 было зафиксировано пятно входной ямы катакомбы, оно находилось в западной поле кургана с выходом небольшого участка в восточную полу и зафиксировано на глубине –70 см; –75 см от вершины кургана. Пятно четко выделялось на фоне материка консистенцией и цветом грунта – супесь светло-коричневого цвета с примесью песка и со средними включениями карбонатов. Пятно входной ямы имело прямоугольную в плане форму (рис. 3, 1; 7, 1).

Входная яма катакомбы имела прямоугольную в плане форму, она была ориентирована по длинной оси с северо-востока на юго-запад. Отклонение длинной оси ямы от линии север-юг к западу составило 57°. Длина входной ямы на поверхности 194 см, ширина в средней части 47 см, ширина торцевых стенок 50 см (северо-восточная) и 39 см (юго-западная) (рис. 3, 1).

Входная яма была сооружена в материке, включавшем два вида грунта. Верхний уровень ямы находился в слое плотного сцементированного суглинка светло-каштанового цвета с включениями карбонатов, который после высыхания покрывался новообразованиями солей толщиной 140–145 см, нижний уровень ямы – в слое мелкозернистого песка. Дно входной ямы находилось в слое мелкозернистого песка.

Входная яма ко дну расширялась: размеры по дну: 194×60 см. Дно входной ямы имело незначительный уклон к северо-восточной торцевой стенке. Глубина ямы в средней части – 215 см от вершины кургана и 140 см от верхнего края юго-западной торцевой стенки (рис. 7, 1).

У юго-западной торцевой стенки входной ямы имелась сплошная ступень на всю ширину входной ямы, сооружённая в слое плотного суглинка. Она находилась на глубине 81 см от верхнего края ямы, край ступени имел небольшой наклон в северо-восточное направление и был ниже на 3 см. Размеры ступени: ширина в средней части составляла 42 см; высота – 62 см: ширина шага равна 22 см. Ступень находилась выше уровня дна ямы на 64 см (рис. 7, 1).

В процессе выборки заполнения входной ямы было обнаружено 3 фрагмента стенок сероглиняных сосудов: 1 – фрагмент стенки сероглиняного сосуда. Внешняя стенка сосуда грубо заглажена. В тесте искусственная добавка шамота и дресвы. Обжиг восстановительный. Фрагмент был обнаружен на уровне ступени гл. –157 см от вершины кургана; 2–3 – фрагменты стенок сероглиняных сосудов. Внешняя поверхность заглажена. В тесте искусственная добавка шамота и растительной органики. Обжиг восстановительный. Фрагменты

обнаружены на уровне пола входной ямы гл. –210 см и –213 см. Стоит отметить, что все 3 фрагмента стенок имели сильно окатанные углы и стенки изломов.

Заполнение входной ямы состояло из однородного заполнения супесью светло-коричневого цвета с примесью песка. В северо-восточной торцевой стенке входной ямы был зафиксирован каменный заклад входа в погребальную камеру. Расчистка и послойный разбор каменного заклада входа показали, что он состоит из трех слоев сложенных каменных плит.

Слой 1 состоял из одного ряда сложенных двумя каменными плитами: плита № 1 – грубо обработанный песчаник, размеры: в средней части высота – 37 см, ширина в средней части – 24 см (–195 см; –207 см), основание плиты находилось на дне входной ямы с наклоном к северо-восточной торцевой стенке ямы; плита № 2 грубо – обработанный песчаник, размеры: в средней части высота – 29 см, ширина в средней части – 16 см (–186 см; –197 см), основание плиты находилось выше уровня дна входной ямы на 11 см с наклоном к северо-восточной торцевой стенке ямы (рис. 4, А).

Слой 2 состоял из трех плит, сложенных в один ряд. Основания плит уложены на дне входной ямы с наклоном к северо-восточной торцевой стенке ямы поверх 3-го слоя каменных плит, в верхнем левом углу заклада, каменная плита замазана глиной, параметры глиняной обмазки 16×18 см толщиной 2 см (рис. 4, Б). Плита № 3 – грубо обработанный песчаник подтреугольной формы, размеры: в средней части высота – 40 см, ширина в средней части – 22 см (–185 см; –209 см); плита № 4 – грубо обработанный песчаник округлой формы, размеры: в средней части высота – 30 см, ширина в средней части – 28 см (–194 см); плита № 5 – грубо обработанный песчаник, размеры: в средней части высота – 28 см, ширина в средней части – 22 см (–197 см; –218 см) (рис. 4, Б).

Слой 3 сложен из 4-х плит №№ 6–9 и образуется двумя рядами плит по два камня. Плита № 6 нижнего ряда камней уложена плашмя, а плита №7 уложена ребром. Поверх нижнего ряда сложен второй ряд, плиты второго ряда уложены стоя, основание их уложено на первый ряд камней с наклоном к северо-восточной торцевой стенке ямы (рис. 4, Г): плита № 6 – грубо обработанный песчаник прямоугольной формы, размеры: в средней части длина – 40 см, ширина в средней части – 20 см, толщина в средней части – 13 см (–209 см; –215 см); плита № 7 – грубо обработанный песчаник подтреугольной формы, размеры: в средней части высота – 26 см, ширина в средней

части – 23 см (–209 см); плита № 8 – грубо обработанный песчаник прямоугольной формы, размеры: в средней длина – 42 см, ширина в средней части – 27 см, толщина в средней части – 21 см (–175 см); плита № 9 – грубо обработанный песчаник прямоугольной формы, размеры: в средней длина – 47 см, ширина в средней части – 32 см, толщина в средней части – 23 см (–172 см; –202 см;) (рис. 4, В-Г).

После разбора каменного заклада были выявлены контуры входа в погребальную камеру. Вход в погребальную камеру находился в северо-восточной торцевой стенке входной ямы. Он имел подпрямоугольную форму с полукруглым (полуциркульным) верхом. Параметры входа: высота – 0,71 м (–1,50 см), ширина основания – 67 см (–221 см). Он был заполнен мелкозернистым песком и фрагментами обрушившегося свода погребальной камеры (рис. 4, Д; 7, I).

Археологическое изучение и описание погребальной камеры и погребения 1

Длинной осью погребальная камера располагалась под углом в 45⁰ относительно длинной оси входной ямы. Уровень пола погребальной камеры был на 36 см ниже уровня дна входной ямы перед входом в камеру (–257 см). Камера соединялась с входной ямой пологим уступом (рис. 7, I).

Погребальная камера имела в плане форму неправильного вытянутого треугольника с закругленными углами, сужающегося у западного угла (в ногах погребенного). Она была ориентирована по длинной оси с запада на восток. Длина погребальной камеры по полу по длинной оси составила 128 см, ширина – 88 см. Пол камеры был неровным, с небольшой западиной к центру – перепады от краев к центру составляли от 2 до 7 см. В центре камеры отметка пола составила –264 см от вершины кургана (рис. 7, I, 4-5).

Погребальная камера была сооружена в материке, включавшем два вида грунта. Пол камеры и стенки на высоту 60 см находились в слое мелкозернистого уплотненного песка, её свод – в слое плотного суглинка. Высота свода камеры по центру составила 133 см (–131 см) (рис. 7, I).

Полость погребальной камеры была заполнена мелкозернистым песком и фрагментами обрушившегося свода.

Под слоем песка на полу погребальной камеры находился скелет погребенного в правильном анатомическом состоянии и положении.

Погребённый лежал на спине, головой к западу. Голова погребённого была уложена на вертикальную западную стенку погребальной камеры, лицевыми костями к востоку. Кости черепа были придавлены грунтом обрушившегося свода вследствие чего череп лежал на костях ключиц. Руки были вытянуты вдоль туловища. Левая рука погребённого была немного согнута в локтевом суставе наружу от грудной клетки, а кисть прижата к тазовой кости. Кисти рук лежали ладонями к полу камеры. Пальцы левой и правой руки были согнуты. Следует также отметить, что кости правой руки погребённого были темнее. Ноги погребённого были вытянуты, а колени прижаты друг к другу вплотную. Левая ступня была выше правой на 3 см и прижата к правой ступне. Такое расположение коленных суставов и ступней погребённого говорит об их связывании или об обматывании нижних конечностей тканью. Об этом говорит и более темный оттенок костей нижних конечностей погребённого. Кости скелета были очень плохой сохранности, т.к. находились в засоленных грунтах и в условиях повышенной влажности. Тем не менее, по размерам скелета (высота ок. 135 см) и его костей, сохранности и состоянию зубов, можно считать, что захоронение принадлежало подростку.

Под правой рукой погребённого, начиная от локтевого сустава, и до правой бедренной кости и сустава погребённого, на полу камеры прослеживался малозаметный тлен черно-серого цвета животного происхождения (возможно погребённый был накрыт тканью из шкур животных) (рис 7, 1). Под левой височной костью погребённого на отметке –262 см была обнаружена золотая подвеска-серьга с припаянными колечком и полумесяцем (рис. 7, 1). Перед погребённым со стороны входной ямы на полу погребальной камеры находился красноангобированный ойнохоевидный сосуд, слив носик которого был направлен ко входу погребальную камеру, а ручка к погребённому, уровень верха сосуда –233 см, уровень низа сосуда –262 см (рис. 7,1).

Инвентарь:

1. Золотая подвеска-серьга из тонкого, свернутого в овал (внешние размеры 1,45×1,25 см), прутика с немного заходящими концами, с расположенными рядом припаянными мелким колечком (внешний диаметр 0,35 см) и колечком с разрывом (внешний диаметр 0,35 см), с декорирующими, с одной стороны, точками-насечками в местах припайки (рис. 9). Вес предмета – 0,85 г. Рассмотрение под бинокулярным микроскопом позволило установить некоторые технологические особенности ее изготовления: подвеска сделана из

литого проволочного круглого прутика, один край которого диаметром 1,3 мм, срезан, противоположный – заострен до 0,6 мм. С внутренней стороны прута прослеживается шов от формы. Припаянное колечко и колечко с разрывом также изготовлены из тонкой, диаметром 0,8 мм, проволоки. Припайка в форме полумесяца имеет длинные заостренные рога. Можно полагать, что колечко, представляющее замкнутый круг, символизирует солнце, а колечко-круг с разрывом и заостренными концами – полумесяц.

2. Красноглиняный ойнохоевидный кувшин, покрыт бордово-красным ангобом (рис. 8), поверхность залощена. На горловине видны вертикальные полосы от лощения, на тулове – горизонтальные. Кувшин с высокой горловиной, расширяющейся к тулову, ойнохоевидный венчик со сливом носиком клювовидной формы, сливной носик поднят вертикально над верхним краем горловины. По обе стороны клювовидного слива помещены конусовидные налесты, края украшены вдавлениями круглой палочки, также вдавлениями украшен центр конусовидного налесты. Тулово сферической формы, переходящее к широкому плоскому донцу. Ручка округлая в сечении, верхним концом прикреплена к краю горловины, а нижним – к верхней части тулова. Ручка внешней верхней части украшена знаком в виде врезной линии. С внутренней стороны венчика прочерчен знак в виде врезного «креста». Основание горловины опоясывал елочный орнамент, выполненный в технике вдавления «штампа». Сосуд лепной, в тесте – примеси шамота и горных частиц плитняка. Сосуд обжигался в окислительной среде в печной конструкции.

Размеры сосуда: высота в месте нахождения клювовидного слива – 27,5 см, высота горловины – 11 см, диаметр верхней части горловины – 8 см, диаметр нижней части горловины – 14 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 19 см, диаметр дна – 10,5 см, диаметр сечения ручки – 1,7 см (инв. № 2).

Заключение

В результате проведенных полевых работ был исследован небольшой по размерам курган с подкурганым захоронением в катакомбе. Следует отметить, что изученный курган не был ограблен, и это позволило выявить некоторые особенности погребального обряда. Интересно, что обнаруженные на уровне погребенной почвы фрагменты донца сероглиняного сосуда и верхней части серо-коричне-

вого сосуда, очевидно, свидетельствуют о поминальных действиях, совершенных до сооружения насыпи кургана. Во входной яме встречены 3 фрагмента от разных сосудов с сильно окатанными краями изломов, два фрагмента находились на уровне пола входной ямы, а один – на уровне верха торцевой ступени.

Погребальное сооружение по соотношению входной ямы и погребальной камеры можно отнести к катакомбам типа I по К.Ф. Смирнову [4, с. 74–75]. По дополненной и уточненной классификации М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева изученное погребальное сооружение относится к катакомбам I типа по соотношению длинных осей входной ямы и погребальной камеры [5, с. 176–181]. Катакомбы данного типа широко встречаются в памятниках Приморского Дагестана (Паласа-сыртский могильник, могильник Кухмазкунт и др.).

Полученный погребальный инвентарь позволяет определить хронологию исследованного кургана и могильника. Обнаруженная золотая подвеска-серьга не имеет на сегодняшний день прямых аналогий, однако по технологии изготовления из проволочного прутика ее можно сравнить с серьгами-подвесками из проволочного кольца, известными в погребениях Западного и Центрального Предкавказья IV – раннего VI в. н.э. [6, с. 71–72]. Красноглиняный ойнохоевидный кувшин связан с местными (дагестанскими) гончарными традициями и имеет прямые аналоги в памятниках Дагестана указанного времени: поселение Агачкала [7, с. 78–85], Урцекское городище [8, с. 91–93], могильник Паласа-сырт и др. [9, с. 112–114]. По данным М.С. Гаджиева, наибольшее распространение красноангобированная посуда получила III–V вв. [10, с. 269–272].

Таким образом, полученные результаты позволили установить погребальный обряд – захоронение в подкурганых катакомбах, определить хронологию кургана № 112 Зеликакинского курганного могильника в рамках конца IV–V в. н.э. Можно полагать, что этим периодом датируется и сам могильник, который занимает свое место в ряду курганых могильников Приморского Дагестана IV–V вв. – погребальных памятников известных по письменным источникам «страны маскутов» в Западном Прикаспии [9, с. 156–158]. В результате проведенных раскопок получен новый и интересный материал для реконструкции погребального обряда, материальной и духовной культуры населения Приморского Дагестана в середине I тыс. н.э.

Благодарность: общественному инспектору по охране культурного наследия Республики Дагестан Татарханову Магомеду Каирбековичу за активное участие в полевых работах.

Список литературы

1. Геологическое строение восточной части северного склона Кавказа // ЛГр. КЮГЭ АН СССР. М: Гостоптехиздат, 1960. 320с.
2. Федоров П.В. Стратиграфия четвертичных отложений и история развития Каспийского моря // Труды Геол. ин-та АН СССР. 1957. Вып. 10. 308 с.
3. Комплексные исследования Каспийского моря. М: Изд-во МГУ, 1972. Вып. 2. 197 с.
4. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. 1972. № 1. С. 73–81.
5. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы ВолГУ. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 172–212.
6. Мاستыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009. 502 с.
7. Гмыря Л.Б. Из истории ремесленного производства в раннесредневековом Дагестане // Древние промыслы ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала. 1984. С. 73–90.
8. Маммаев М.М. Знаки на керамике Урцекского городища // Материалы по археологии Дагестана. Том III. Махачкала. 1973. С. 88–99.
9. Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала. 2015. 452 с.
10. Гаджиев М.С. О хронологии красноангобированной керамики Северо-Восточного Кавказа // Культуры евразийских степей второй пол. I тыс. н.э. Материалы II международной археологической конференции. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 267–276.

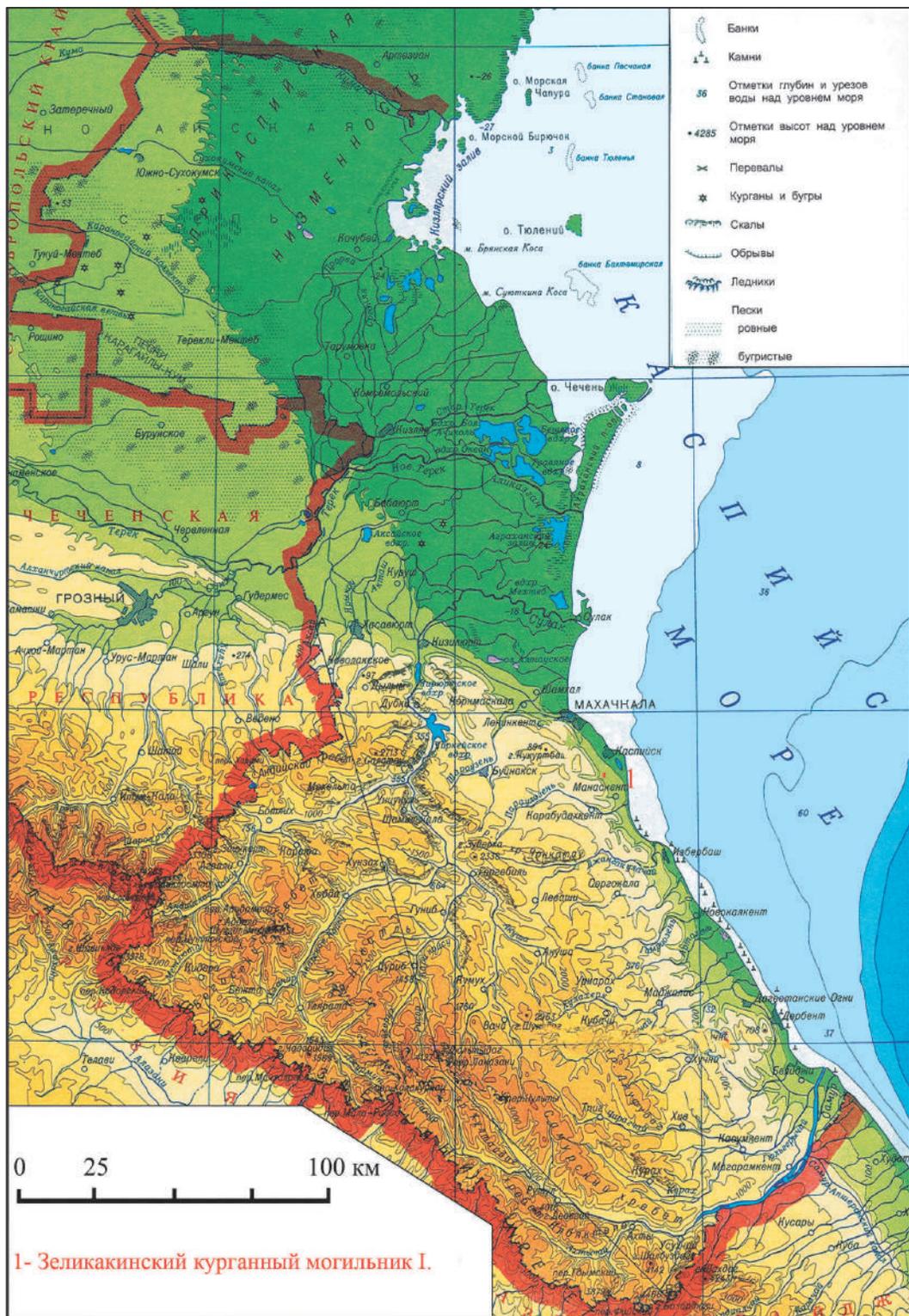

Рис. 1. Физическая карта Республики Дагестан с указанием места проведения археологических работ

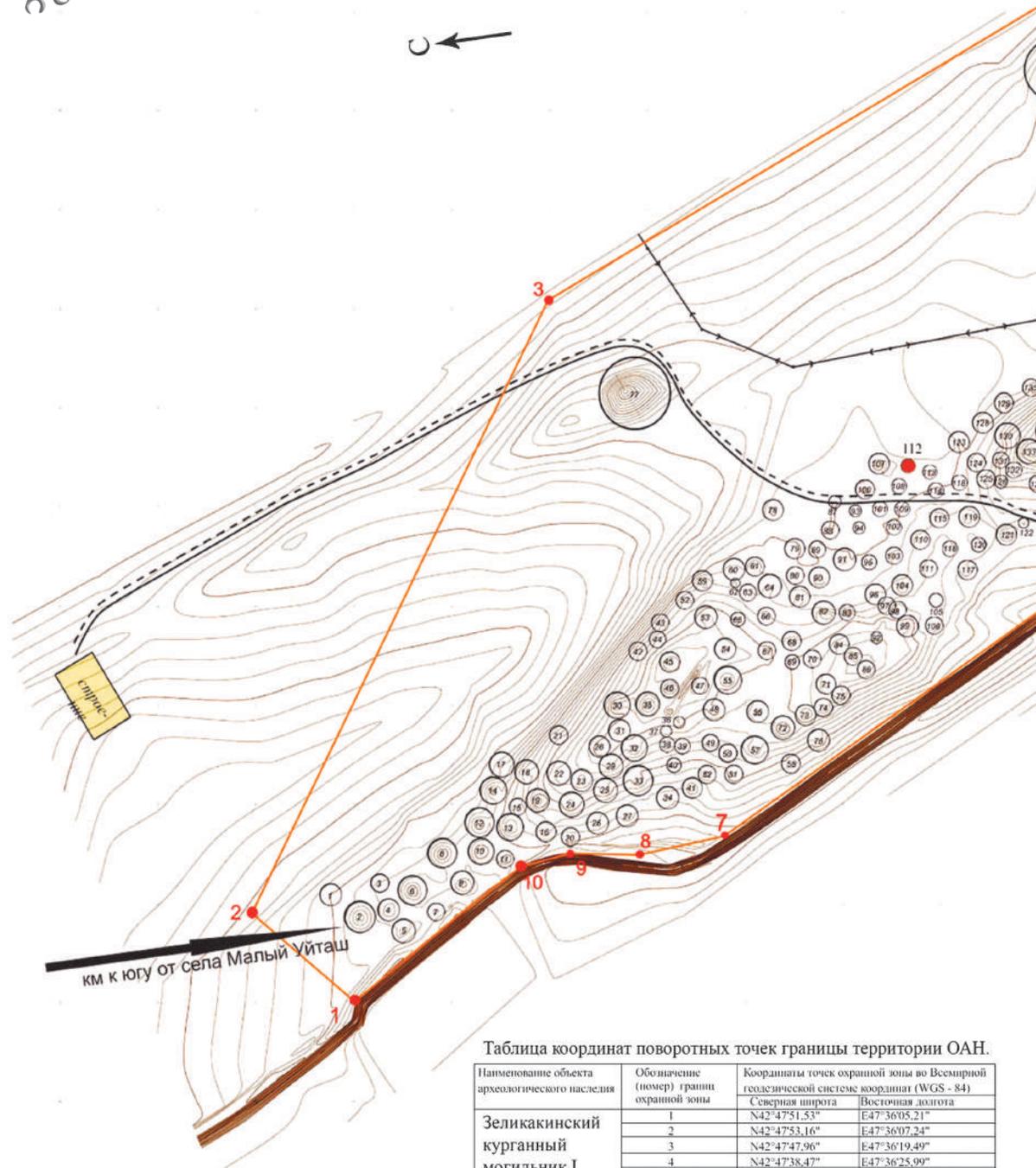
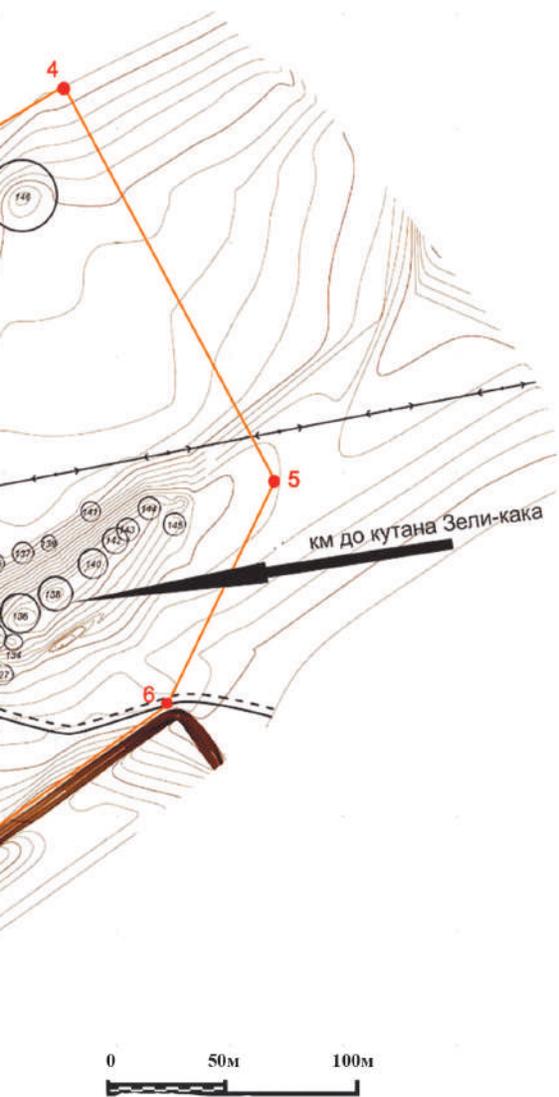

Таблица координат поворотных точек границы территории ОАН.

Наименование объекта археологического наследия	Обозначение (номер) границ охранной зоны	Координаты точек охранной зоны во Всемирной геодезической системе координат (WGS - 84)	
		Северная широта	Восточная долгота
Зеликакинский курганный могильник I	1	N42°47'51.53"	E47°36'05.21"
	2	N42°47'53.16"	E47°36'07.24"
	3	N42°47'47.96"	E47°36'19.49"
	4	N42°47'38.47"	E47°36'25.99"
	5	N42°47'35.71"	E47°36'18.27"
	6	N42°47'38.04"	E47°36'13.54"
	7	N42°47'45.49"	E47°36'07.53"
	8	N42°47'47.09"	E47°36'07.54"
	9	N42°47'48.30"	E47°36'07.56"
	10	N42°47'48.81"	E47°36'07.39"

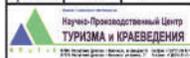
Условные обозначения

- Граница территории объекта археологического наследия с характерными поворотными точками
- Шаг горизонталей 0,25
- - ЛЭП
- - Грунтовая дорога
- - Курганы
- - Исследованный курган №112

Изм.	Кол.ч.	Лист	№ док.	Подп.	Дата
Исполнитель		Гаджиев А.Б.			
Исполнитель		Савасцанов М.Ш.			

План расположения курганных насыпей на территории выявленного объекта археологического наследия «Зеликакинский курганный могильник» и их нумерация		
Ситуационный план	Стадия проект	Лист А3
Масштаб 1:500	Листов 1	

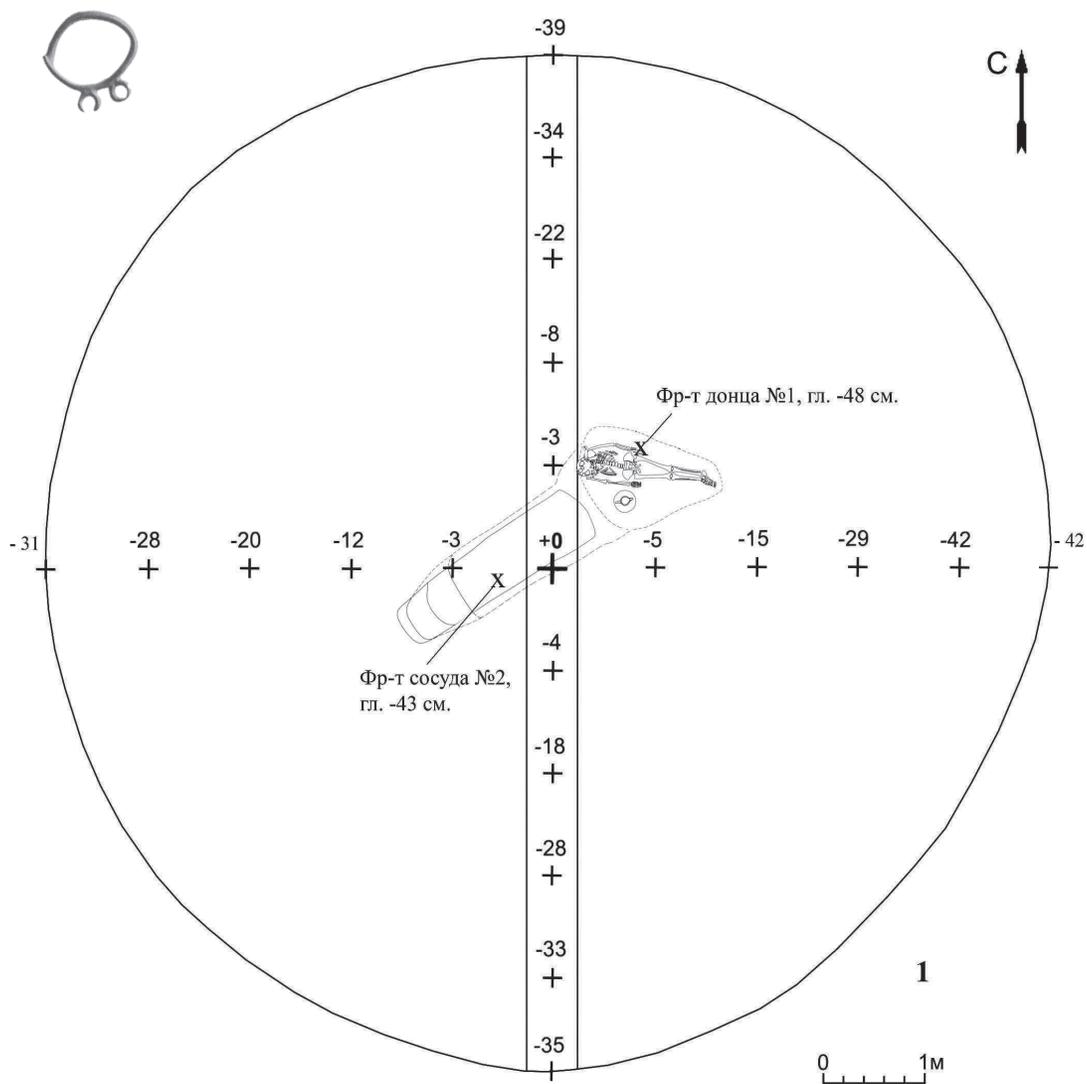
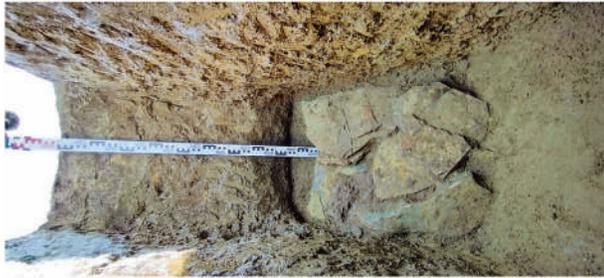

Рис. 3. Зеликакинский курганный могильник I. Общий план кургана №112

А

Б

В

Г

Д

Рис. 4. Зеликаинский курганный могильник I. Курган №112. Северо-восточная стенка входной ямы и каменный заклад входа в погребальную камеру. Вид с юго-запада.

А – Вид на каменный заклад входа в погребальную камеру до начала снятия каменной закладки.

Б – Вид на каменный заклад входа в погребальную камеру после снятия 1-го слоя камней.

В – Вид на каменный заклад входа в погребальную камеру после снятия 2-го слоя камней.

Г – Вид на каменный заклад входа в погребальную камеру после снятия 3-го слоя камней.

Д – Вид на вход в погребальную камеру после снятия каменной закладки

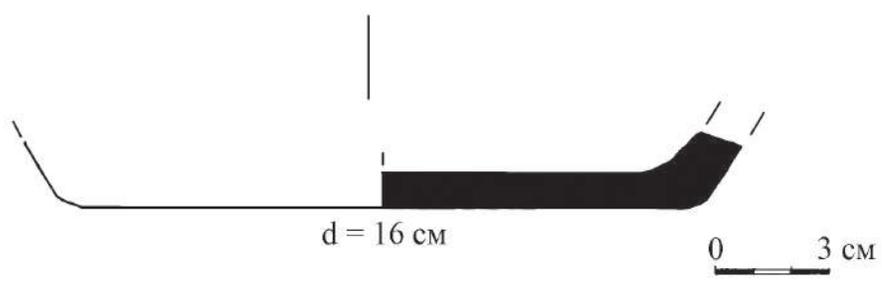
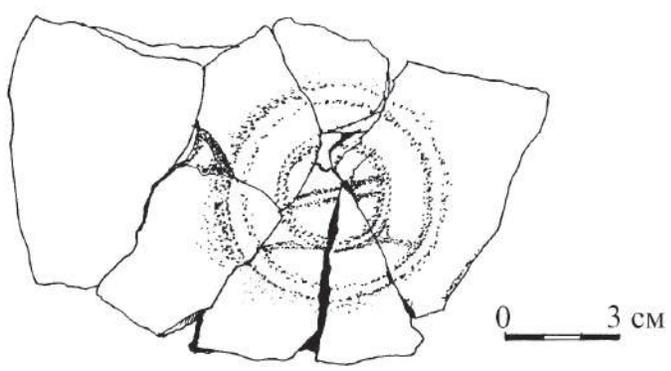

Рис. 5. Зеликакинский курганный могильник I. Курган №112. Фрагменты плоского донца сосуда

d = 13 cm

0 3 cm

Рис. 6. Зеликаинский курганный могильник I.
Курган №112. Фрагменты горшка

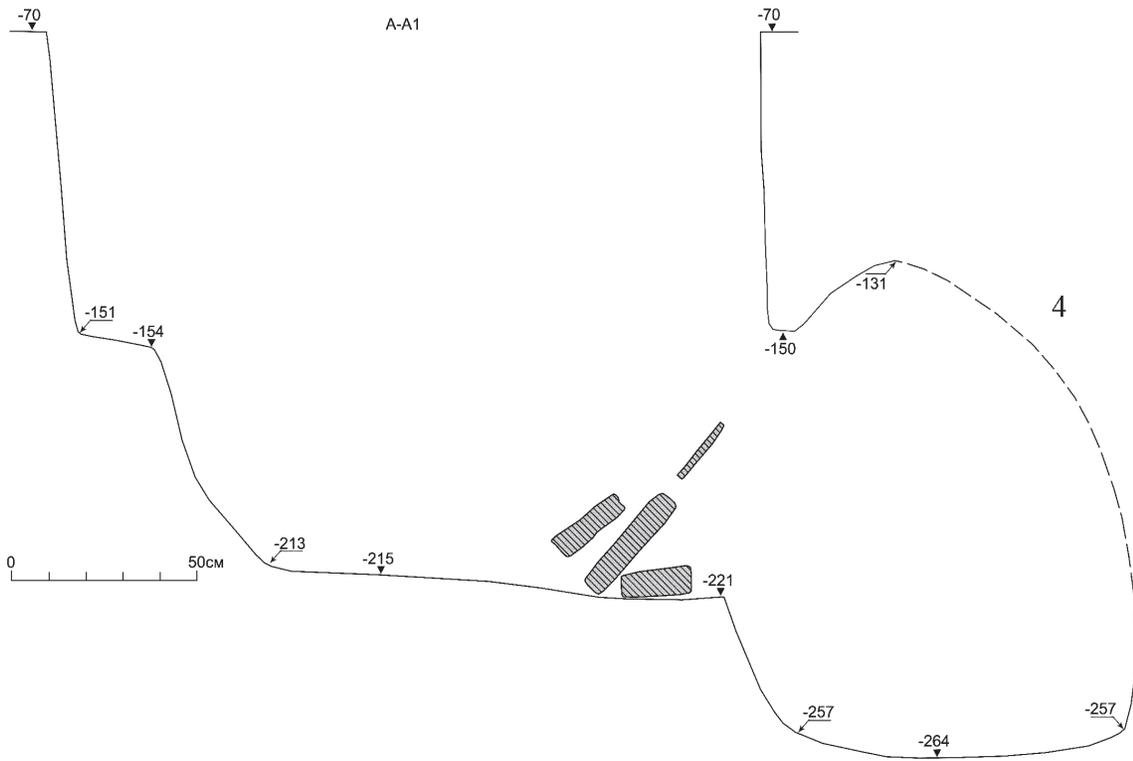
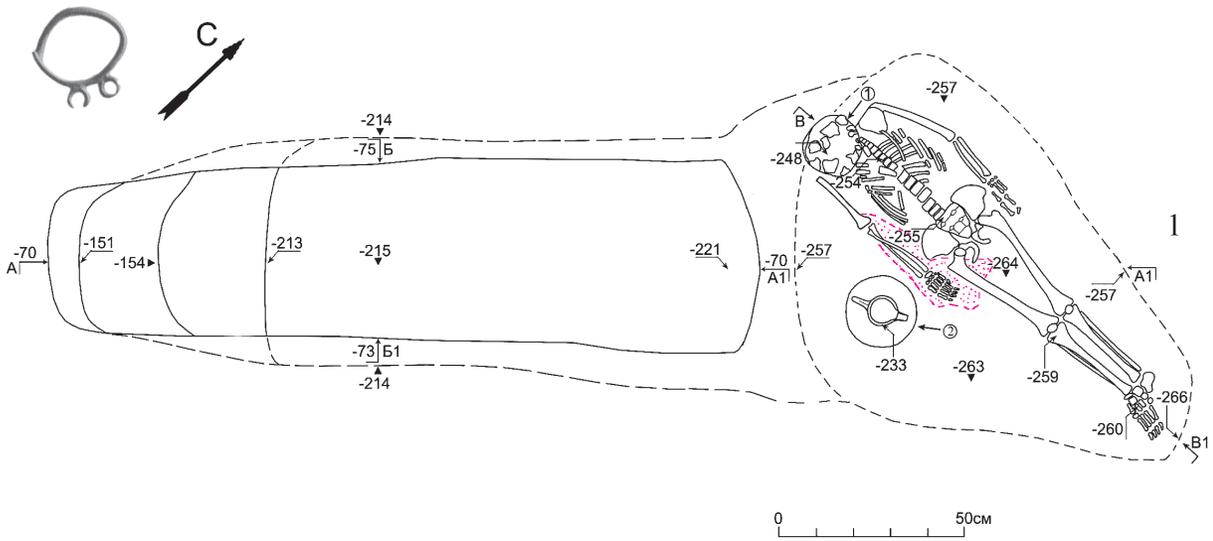
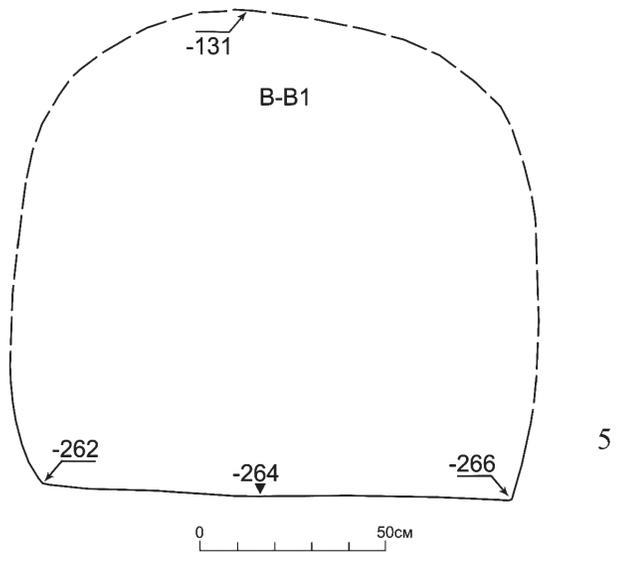
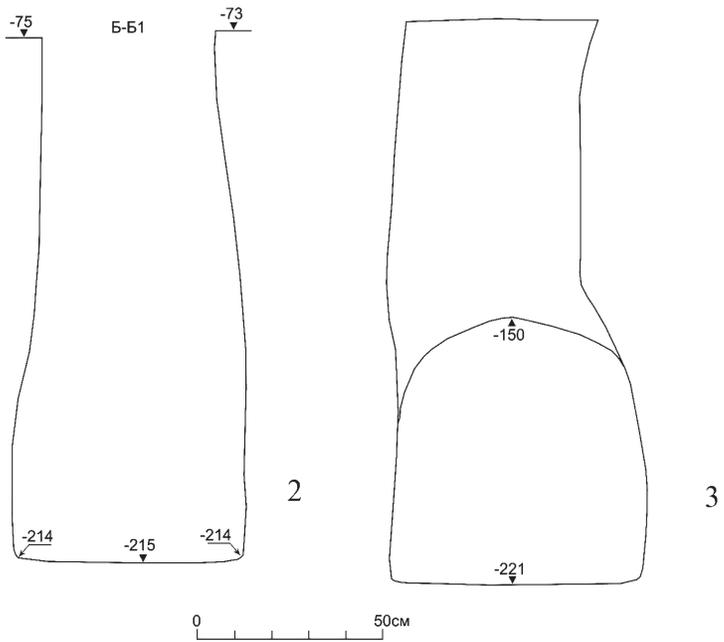

Рис. 7. Зеликакинский курганный могильник I. Курган №112. 1 – План погребения; 2 – разрез по линии Б-Б1; 3 – вход в погребальную камеру; 4 – разрез по линии А-А1; 5 – разрез по линии В-В1

Условные обозначения:

- ① - Золотая подставка №1 гл -262.
- ② - Красноглиняный кувшин №2 гл -233; - 261.
- - Органический тлен темно-серого цвета.

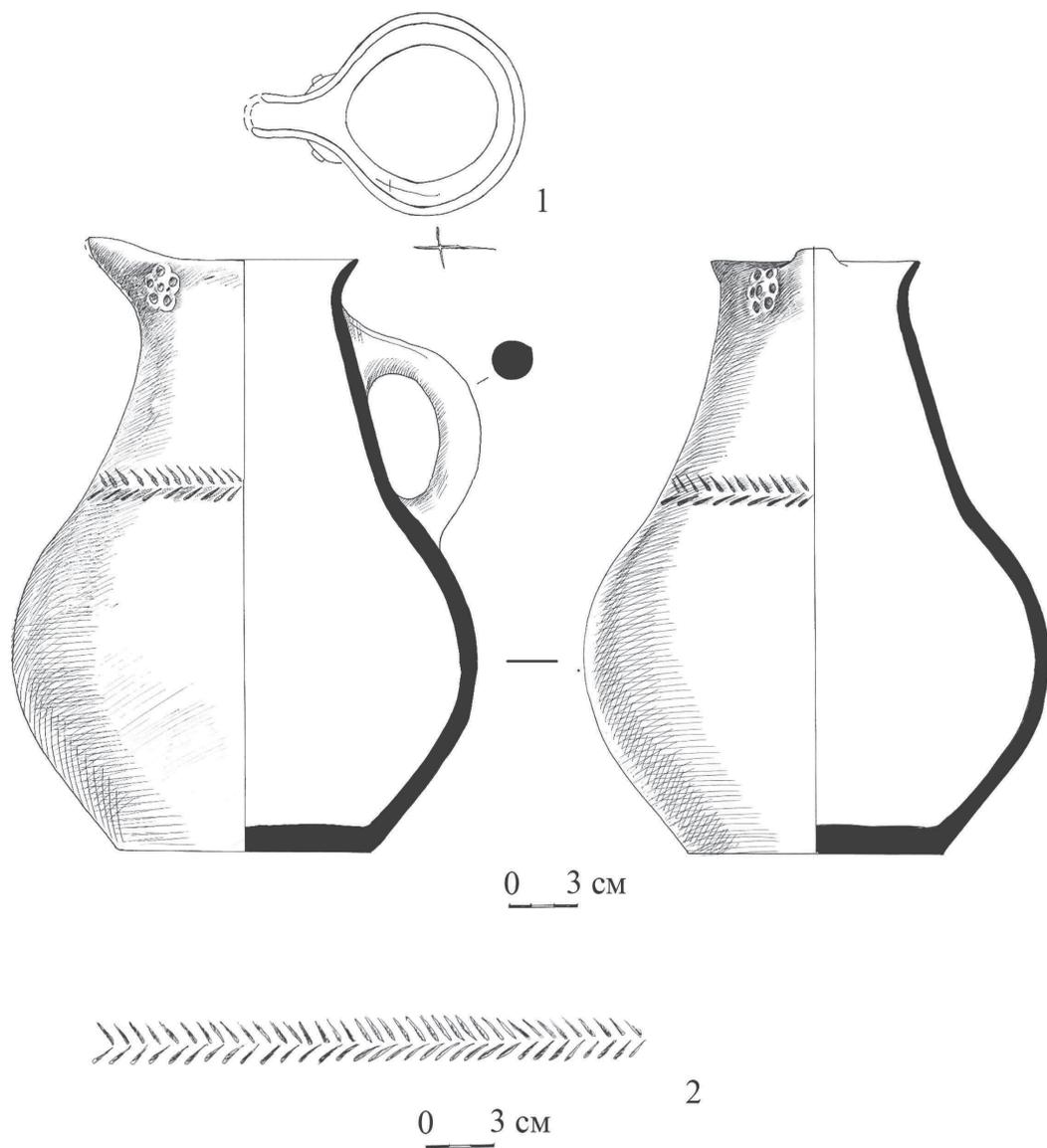

Рис. 8. Зеликакинский курганный могильник I.
 Курган №112. Погребение 1, красноглиняный
 ойнохоевидный кувшин. 1 – вид сверху на венчик;
 2 – Развертка елочного орнамента

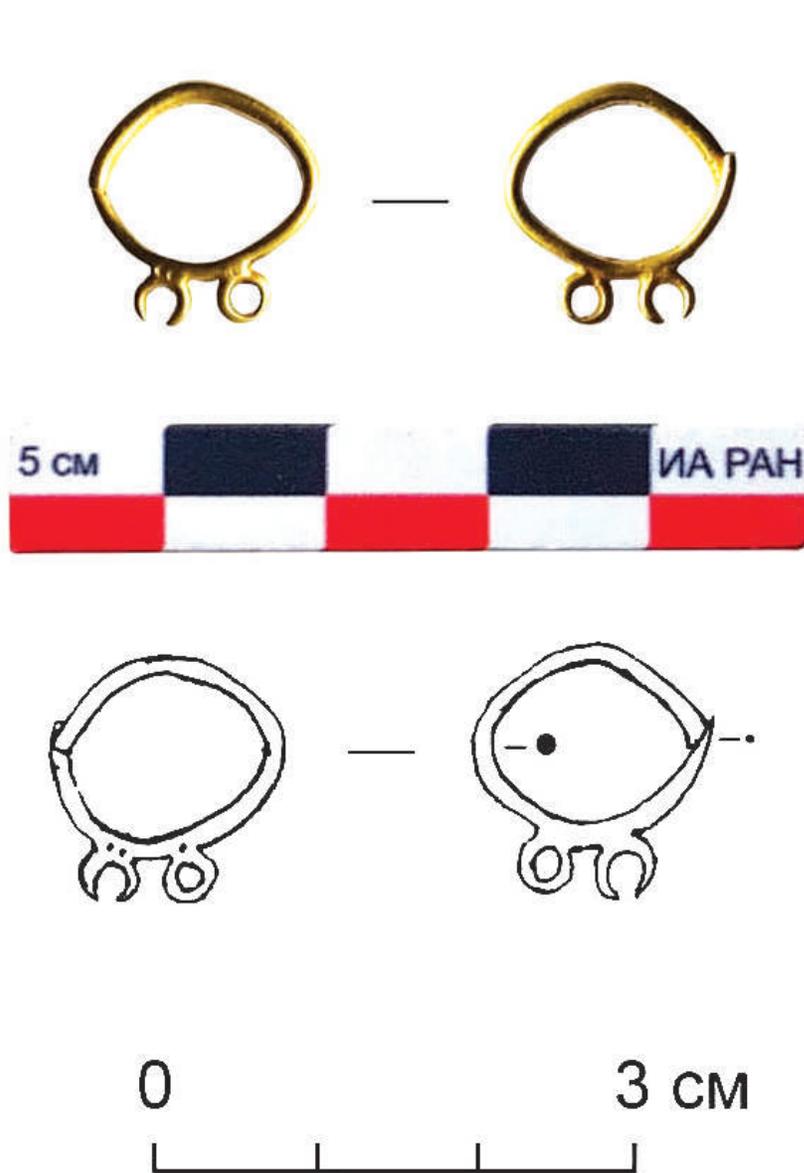

Рис. 9. Зеликаинский курганный
могильник I. Курган №112.
Погребение 1, золотая подвеска-
серьга

Рис. 10. Зеликакинский курганный могильник I. Курган №112.
Общий вид после завершения работ. Вид с квадрокоптера с севера

Рис. 11. Зеликакинский курганный могильник I.
Общий вид на южную часть памятника. Вид с квадрокоптера с юга

*Шехмагомедов М.Г.,
Мусаев М.А.,
Шихалиев Ш.Ш.*

ПАМЯТНИКИ КУБАЧИНСКОГО КЛАДБИЩА «БИДАХ ХУППЕ»

Введение

В 2019–2021 гг. Эпиграфическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук в ходе нескольких выездов изучила памятники, расположенные в нескольких селениях Дахадаевского района республики. В итоге исследований были получены заслуживающие научного интереса материалы, в том числе уникальные, часть из которых опубликована в статьях в научных журналах [1; 2; 3]. Некоторая часть до настоящего времени находилась в обработке, включая результаты работы экспедиции на кладбище «Бидах хуппе», расположенном в с. Кубачи.

Мусульманское кладбище «Бидах хуппе» («Бидахъ хуппе» в переводе с кубачинского языка – «Кладбище на той стороне», т.е. напротив селения), находится к западу (через овраг) от нижнего квартала старой части Кубачи. Некрополь расположен на довольно крутом склоне. Его территория огорожена металлической сеткой, местами низким каменным забором, и занимает площадь около 2 га.

Намогильные вертикальные плиты, установленные на кладбище, изготовлены из камня. Многие из них, покосившись, со временем полностью или частично оказались в земле, их практически не видно из-за зарослей. В этой связи полноценное исследование памятников кладбища, ранние образцы которых созданы 700 лет назад, требует археологических изысканий (Ил. 1).

В первую очередь внимание Эпиграфической экспедиции было сосредоточено на стелах, к которым имеется доступ, при этом не требующих для изучения проведения каких-либо земляных работ. Прежде всего это 20 намогильных стел, давно вынесенных местными жителями к северной части ограждения некрополя, чтобы они окончательно не оказались под слоем грунта. В настоящее время они прислонены на металлический забор снаружи кладбища или врыты рядом с ним в землю. Несколько стел лежат плашмя на сложенном насухо каменном ограждении (Ил. 2).

Дополнительным обоснованием изучения именно данной группы памятников являлось то, что к месту их расположения имеется доступ автомобильного транспорта и существует, хоть и незначительный, риск вывоза памятников. Соответственно требуется описание и изображение каждого памятника, чтобы они, во-первых, не были утрачены для науки, во-вторых, – для поиска культурных артефактов, в случае похищения.

Исходя из научных целей Эпиграфической экспедиции и указанных выше обстоятельств, были сформулированы следующие задачи при изучении памятников кладбища «Бидах хуппе»:

1. прочитать все надписи на надгробных стелах, перемещенных к ограде северной части кладбища, к которым имеется доступ без проведения археологических работ;
2. снять внешние размеры указанных памятников;
3. произвести фотофиксацию стел.

Некоторые памятники, которые расположены у северной части забора кладбища «Бидах хуппе», ранее были обстоятельно описаны известным дагестанским искусствоведом Мисриханом Маммаевичем Маммаевым. Он опубликовал их фотографии и прорисы, выполненные собственноручно. Им же были выявлены стелы, несущие на себе даты, которые позволяют по аналогии отнести те или иные памятники к определенному времени. Следует также указать, что Мисрихан Маммаевич зафиксировал на данном кладбище более 90 стел, датированных им концом началом XIV–XVIII вв. [4, с. 795].

Описание памятников

Описание памятников произведено в том порядке, котором они находятся, с нумерацией справа налево

№ 1. Надгробная плита со сколом в левом верхнем углу, имеет орнаментировку и надпись, выполненную почерком насх и расположенную на внутреннем бордюре эпиграфической ленты. Текст частично огласован, но плохо читается. Нам удалось разобрать следующее: *«Могила Ш.н.д.в/у.к.¹ (شندوق)...*, да будет с ним милость Аллаха».

В центральной розетке имеется декоративная рельефная надпись *«Аллах»*. По периметру стелы размещена П-образная полоса с надписью, которую не удалось расшифровать.

Характеристики: высота 92 см, ширина вверху 78 см, внизу 61 см, толщина 9 см (Ил. 3).

---

¹ Имена, не относящиеся к распространенным арабо-мусульманским, в подавляющем большинстве случаев не могут быть прочитаны с точностью, что обусловлено особенностями арабской письменной системы.

№ 2. Орнаментированная стела, нижняя часть которой обломана и отсутствует. Параметры стелы: высота 79 см, ширина вверху 65 см, внизу 59 см, толщина 11 см (Ил. 4). По периметру имеется П-образная эпитафическая лента со следующим текстом, выполненным почерком *куфи*:

«الموت كأس و كل الناس شاربه القبر باب و كل الناس [داخله]»²

Перевод: «Смерть – чаша, каждый выпьет её. Могила – дверь, каждый [войдет в неё]».

На центральный медальон нанесена рельефная декоративная куфическая надпись с указанием имени погребенного: «Владелец этой могилы Агар (اغر)».

№ 3. Обломок стелы размерами 64×43×46 см (Ил. 5). Левый край и нижняя часть не сохранились. Памятник орнаментирован, но не имеет украшающих надписей. По верхнему краю центрального медальона нанесена врезная надпись с именем похороненного. Она гласит:

«صاحب هذا القبر بستي بن اجلك الشرنبي رحمة الله عليه»

Перевод: «Владелец этой могилы Бастай (Б.с.т.й), сын А.ж.л.к. аш-Ширины (из соседнего с Кубачи с. Шири), да будет с ним милость Аллаха».

№ 4. Памятник с обломанным правым верхним углом. Он орнаментирован, имеет следующие параметры: высота декорированной части 53 см, общая высота (включая часть памятника, изначально находившуюся в земле) 93 см, ширина верха 39 см, ширина в нижней части 35 см, толщина 8 см (Ил. 6). В центральном медальоне имеется единственная надпись «Аллах». По периметру размещена орнаментальная лента с полукруглым верхом.

Следующий памятник №5 также поврежден, но декорированная часть высотой 47 см полностью сохранилась. Остальные характеристики: ширина по верху 36 см, ширина по низу 35 см, толщина 6 см (Ил. 7). Это один из редких прямоугольных в профиль памятников. В П-образной эпитафической полосе содержится декоративная куфическая надпись:

«الموت كأس و كل الناس شاربه»

Перевод: «Смерть – чаша, каждый выпьет её».

В центральном медальоне написано «Аллах». По верхнему краю нанесена врезная надпись *наسخом* «صاحب هذا القبر يكجنزي رحمة الله عليه»,

² Здесь и далее орфография сохранена.

которая переводится так: «Владелец этой могилы Й.к.дж.н.з.и/и, да будет с ним милость Аллаха».

№ 6. Памятник с фигурным верхом. Параметры: высота 86 см, ширина в верхней части 78 см, ширина низа 63 см, толщина 7 см (Ил. 8). В центральном медальоне написано «Аллах», а по периметру размещена следующая декоративная надпись:

«الملك لله الواحد القهار الملك الخلاق الجبار الملك المبين»

Перевод: «*Вся власть [в тот день] принадлежит Аллаху Единому, Могущественному. [Аллах] Владыка, Творец, Всемогущий, явный Властелин.*».

Врезная надпись по бордюру внутреннего периметра эпиграфической полосы указывает на похороненного:

«صاحب هذا القبر بخد (?) ابن چلز نور الله قبره الى يوم القيامة»

Перевод: «*Владелец этой могилы Бах.д. (Б.д.х.д., Б.л.х.д.(?)), сын Чалаза (Ч.л.з.), да освятит Аллах его могилу до Судного дня.*».

№ 7. Декорированная плита, обломанная у основания. Характеристики: высота 66 см, ширина в верхней части 42 см, в нижней – 33 см, толщина 7 см (Ил. 9). Из надписей на стеле можно найти «Аллах» в центральном медальоне.

№ 8. Плита с полукруглым верхом, обломанная по горизонтали в середине. Высота сохранившейся части 31 см; ширина 31 см; толщина 8 см (Ил. 10). В центральном поле имеется врезная надпись почерком *наسخ*:

Текст:

«صاحب هذا القبر محمد بن درخ رحمة الله [عليه]»

Перевод: «*Владелец этой могилы Мухаммад, сын Дарха (Д.р.х), да будет [с ним] милость Аллаха.*».

Следующая стела **№ 9** обломана в нижней части. Сохранившаяся ее часть высотой по центру 63 см, шириной по верху 55 см, ширина нижней части 49 см, толщина памятника 8 см (Ил. 11). По бордюру арки, расположенной в центральной части, содержится надпись, выполненная врезкой:

«صاحب هذا القبر قمجي بنت كَلِي نور الله قبرها»

Перевод: «*Владелец этой могилы К.м.ч.й/и, дочь Калая, да освятит Аллах её могилу.*».

По периметру в П-образной эпиграфической полосе нанесена куфическая надпись:

«الملك لله الواحد القهار»

Перевод: «Царство принадлежит Аллаху, Единому, Всепобеждающему».

В центральном медальоне указано «Аллах» (الله).

Интересно, что на женских могилах указано не «владелица», а «владелец». С подобными примерами можно ознакомиться и ниже по тексту. Объяснение, следует полагать, в том, что фраза «Владелец этой могилы» является устоявшейся, шаблонной.

Следующий памятник № 10 также был установлен на могиле женщины. На это указывает рельефная (выемкой фона) надпись в центральном медальоне:

«صاحب هذا القبر شلهد بنت شهيد رحمهم الله»

Перевод: «Владелец этой могилы Ш.л.х.д. (Шалхуда?), дочь Шахиды, да помилует их Аллах».

Иных надписей на данной декорированной стеле нет. Ее характеристики: высота 78 см, ширина сверху 58 см, внизу 57 см, толщина 6 см (Ил. 12).

№ 11. Стела, верхней части которой придали форму трехцентровой арки. Высота памятника 72 см, ширина по центру 52 см, толщина – 5 см (Ил. 13). В центральном поле врезная надпись, выполненная почерком *наسخ*, указывающая на похороненного:

«صاحب هذا القبر تنجد بن فني نور الله قبره»

Перевод: «Владелец этой могилы Т.н.ч.д. (Танчуда?), сын Фаная, да освятит Аллах его могилу».

У намогильного памятника № 12 обломан левый верхний край. Характеристики стелы: высота декорированной части 70 см (общая – 104 см), ширина сверху 57 см, ширина внизу 52 см, толщина 5 см (Ил. 14).

П-образную эпиграфическую ленту мы прочитали следующим образом:

«لا اله الا الله محمد رسول الله (... العظمة لله»

Перевод: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха... Величие принадлежит Аллаху».

Плита интересна тем, что не имеет орнаментики, и ее единственным украшением служит эпиграфическая лента.

Данная стела описана М.М. Маммаевым. Исследователь датирует плиту концом XIII³ – началом XIV в. [5, с. 28, рис. 7-А; 6, с. 159, 182, 498, рис. 144].

№ 13. Стела имеет следующие характеристики: высота 74 см, ширина в верхней части 51 см, в нижней 48 см, толщина 8 см (Ил. 15). На внутреннем бордюре орнаментальной полосы нанесен текст:

«صاحب هذا القبر خدج بنت داشن».

Перевод: «Владелец этой могилы Хадиджа, дочь Дашина (Даш.н.)».

Мусульманское женское имя Хадиджа написано с нарушением правил орфографии.

Данная стела описана М.М. Маммаевым и отнесена им к концу XIV в. или началу XV в. [7, с. 713, 720].

Следующий **памятник № 14** имеет эпиграфическую полосу с надписью:

«لا اله الا الله محمد رسول الله».

Перевод: «Нет божества, кроме Аллаха. Мухаммад – посланник Аллаха».

В центральном медальоне написано «Аллах». На выступающей части декоративного элемента выгравировано имя похороненной:

«صاحب هذا القبر يمز بنت يق (...) رحمة الله عليهم»

Перевод: «Владелец этой могилы Йамузза (Йамуца?), дочь Йак(...), да будет с ними милость Аллаха».

Ташдид над буквой «зайн» в имени может быть попыткой передачи звука «ц», отсутствующего в арабском языке и алфавите.

Характеристики стелы: высота декорированной части 85 см (общая – 130 см), ширина верха 64 см, низа 54 см, толщина 7 см (Ил. 16).

Следующий **намогильный памятник № 15** видимо долгое время лежал плашмя лицевой частью вверх. По периметру стелы имеется эпиграфическая лента с полукруглым верхом. Текст:

«لو كانت الدنيا تدوم لو احد لكان رسول الله فيها مخلدا».

Перевод: «Если этот мир длился бы для кого-либо навсегда, то посланник Аллаха был бы поселен здесь навечно».

³ Некоторые кубачинские мусульманские намогильные плиты датируются М.М. Маммаевым концом XIII в. Между тем у нас нет надежных сведений, подтверждающих принятие кубачинцами ислама в этот период. В то же время есть косвенные данные, указывающие на то, что в самом начале XIV в. ислам еще не утвердился в данном населенном пункте. Так, в сентябре или октябре 1306 г. кубачинцы убили шейха Хасана из Шири, который пытался насадить в их среде ислам [1, с. 107–109]. Другой источник дает основание полагать, что мусульмане из соседнего с Кубачи поселения Анчибачи, вероятно под их давлением, были вынуждены переселиться в 1317 г. в окрестности с. Худуц [2, с. 1102–1104].

На центральном медальоне сохранилась надпись «Аллах» (Ил. 17).

№ 16. Намогильная стела с арабскими надписями и растительным орнаментом. Высота 90 см, ширина вверху 63 см, внизу 59 см, толщина 7 см (Ил. 18). М.М. Маммаев датировал данный экземпляр первой половиной XV в. [6, с. 500, рис. 152]. Он не указал место ее расположения. В настоящее время плита находится у забора кладбища. На центральном медальоне имеется арабская рельефная надпись:

«هذا القبر فرس ابن صهروح رحمة الله عليهم اجمعين»

Перевод: «Владелец этой могилы Ф.р.сс., сын С.х.р.в/у.дж., да будет с ними всеми милость Аллаха».

Интересно, что надпись о похороненном повторяется в самом верху памятника, выполненная врезкой. Она сохранилась частично.

Памятник № 17. Параметры: высота 89 см, ширина вверху 78, внизу 70 см, толщина 7 см (Ил. 19). На центральном медальоне указано следующее:

«صاحب هذا القبر چكي ابن ككم رحمة الله عليه»

Перевод: «Владелец этой могилы Чакай, сын К.к.м., да будет с ним милость Аллаха».

В написании имен использованы буквы *аджама*, причем вторая из них (*кяф* с тремя точками сверху) не имеется в персидском алфавите.

По периметру стелы имеется эпиграфическая лента с полукруглым верхом. Надпись:

«لا اله الا الله محمد رسول الله (...) الحمد لله»

Перевод: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха... Вся хвала Аллаху».

№ 18. Памятник с фигурным верхом. Исходя из наблюдаемых сочетаний формы памятника, орнаментики и начертания надписей, данная стела относится к образцам начала XVI в. Она небольшая по размерам: высота 64 см, ширина верха 55 см, ширина низа 47 см, толщина 7 см (Ил. 20).

На внутренний бордюр орнаментальной полосы врезкой нанесен следующий текст:

«صاحب هذا القبر استمير بن فلكنز رحمة الله عليهم»

Перевод: «Владелец этой могилы Астемир, сын Ф.л.к.н.з., да будет с ними милость Аллаха».

№ 19. Параметры стелы: высота 129 см, ширина верха и низа соответственно 81 и 60 см, толщина 8 см (Ил. 21).

В центральном медальоне размещена цитата из Корана:

«بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ الْحَيُّ الْقَيُّومُ لَا تَأْخُذُهُ

Перевод: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Аллах – нет божества, кроме Него, вечно живого, вечно сущего. Не властны над Ним [ни дремота, ни сон]».

Надпись рельефная, цитата не полная. По периметру имеется эпиграфическая полоса с полукруглым верхом плохой сохранности.

По бордюру медальона имеется указание на захороненного. Надпись плохо сохранилась и читается лишь ее часть: «صاحب هذا القبر كُنْ ... بن»

Перевод: «Владелец этой могилы Куса, сын ...».

Следующая **плита №20** обломана, вероятно она имела прямой верх. Высота стелы 132 см, ширина в средней части 79 см, в нижней 72 см, толщина 7 см (Ил. 22). П-образная эпиграфическая полоса не поддается чтению из-за плохой сохранности. Она обусловлена, в том числе, низким рельефом декора. В центральном поле читается врезная надпись:

«صاحب هذا القبر تح بن كرم نور الله قبره الى يوم القيامة»

Перевод: «Владелец этой могилы Таха, сын Карима, да освятит Аллах его могилу до Судного дня».

Выводы

В ограждении кладбища есть еще несколько намогильных орнаментированных плит, на которых, возможно, имеются надписи, доступ к которым затруднен и возможен в рамках специализированных работ по сохранению. Относительно изученных памятников следует указать, что не выявлено надписей с конкретной исторической информацией. Также среди памятников, вынесенных к забору, не обнаружено новых стел, несущих на себе время создания. В то же время неподалеку от ограждения в северной части кладбища имеется наиболее поздний из датированных памятников данного некрополя. Это плита с фигурным верхом, выполненная в уцмийском стиле. Судя по ориентации и тому, что она крепко сидит в земле, она находится в месте своей установки.

Текст, нанесенный выемкой фона на ленту, размещенную в наиболее широкой части стелы:

«توفى عائشة... الف و مائتان و اثني عشر سنة»

Перевод: «Умерла Аиша ..., тысяча двести двенадцатый год».

Дата соответствует 1797/98 г.

Параметры: высота 92 см, ширина в верхней части 59, нижней – 46, толщина 7 см (Ил. 23).

Как отмечалось выше, М.М. Маммаев указывает, что на кладбище «Бидах хуппе» им зафиксировано более 90 стел. На данный момент из них, по результатам изучения нами опубликованных научных трудов, встречаются сведения по трем десяткам памятников (описания стел, фото, прориси и т.д.) [5, с. 28-29; 8, с. 121–122, 136; 6, с. 182, 331–332, 498–500, 549; 9, с. 123–124, 130; 10, с. 707–711, 713–714, 716–718, 720; 4, с. 793, 796–797, 801]. В их числе несколько датированных стел, выявленных М.М. Маммаевым в ходе его кропотливой исследовательской работы. Они относятся к XIV–XV вв.:

783 г. хиджры (далее – г.х.), который приходится на 1381 или 1382 г. григорианского летосчисления [6, с. 186, с. 499, рис. 150; 5, с. 162, рис. 55];⁴

784 г.х., что соответствует 1382 или 1383 г. [5, с. 161; 6, с. 184–185, 499, рис. 148; 4, с. 797–800, 802];⁵

787 г.х., соответствующему 1385 г. [6, с. 185, с. 499, рис. 149];

802 г.х., приходящемуся на 1399 или 1400 г. [6, с. 187–189, с. 500, рис. 151; 12, с. 144; 13, рис. 127; 11, с. 93–95, рис. 36; 14, рис. 182];

842 г. х., который соответствует 1438 г. григорианского летосчисления [6, с. 189–190, с. 500, рис. 153].

Датированные стелы, крайне важны, поскольку позволяют по аналогии с ними датировать иные надмогильные памятники, в том числе исследованные в рамках данной работы. Большинство из рассмотренных нами стел, а конкретнее все, кроме №8 и №18, относятся к XIV–XV вв. При датировке мы пользовались не только искусствоведческими методами и наработками М.М. Маммаева, но и довольно большим массивом изученных нами памятников в кубачинской округе, а также эпиграфическими методами, о чем будет отмечено ниже.

При рассмотрении памятников «Бидах хуппе» первое, что бросается в глаза, это трапециевидная форма памятников в фас. Они уже внизу и шире в своей верхней части. Это характерная форма для данного региона Дагестана, которая фиксируется, по крайней

4 Маммаев М.М. полагает, что перевод даты 783 г.х., соответствующий 1381 или 1382 г., вызывает сомнение, так как резьба памятника стилистически характерна для более поздних надгробий. Он отмечает, что предпочтительнее читать дату как 837-й год, и, соответственно, датировать стелу 1433/34 г. Принимая во внимание довод Мисрихана Маммаевича, отметим, что на прориси надписи, опубликованной А.Р. Шихсаидовым, дата четко читается буквально так: «Три, восемьдесят и семисотый год по хиджре» [11, с. 80–81, рис. 31].

5 В своих публикациях Маммаев М.М. указывает дату 783 г.х., между тем на выполненной им прориси определенно читается следующее: «Дата – четыре, восемьдесят и семьсот от хиджры пророка». Соответственно, памятник относится к 1382/83 г.

мере, с начала XI в. Именно к этому периоду относится первый датированный памятник подобной формы [15, с. 148, 162–163].

В большинстве случаев у стел прямой верх, но встречаются образцы с полукруглым верхом, или со сложными формами.

Памятники, как правило, имеют верные пропорции, очень хорошо обработаны и сглажены, особенно тщательно с лицевой стороны. Если тыльная сторона и торцы оставались без декора, то лицевая сторона богато и густо орнаментировалась. В украшении использовались сложные симметричные растительные и геометрические узоры, медальоны и другие художественные элементы, а также орнаментально исполненные рельефные надписи. Последние являются замечательными образцами каллиграфии. Чаще всего они выполнялись торжественным почерком *цветущий куфи*. Фон при этом максимально был заполнен текстом. Внимание уделялось и заднему плану. Во многих случаях он фигурно обрабатывался точками.

Намогильные памятники имеют общие композиционные решения. В большинстве случаев это наличие эпитафической или орнаментальной ленты, тянущейся по трем внешним сторонам памятника и имеющей П-образную или полукруглую в верхней части форму. Также одним из основных элементов почти каждого надгробия является центральный медальон, зачастую с надписью. В подавляющем большинстве случаев он круглый и имеет заострение в верхней части.

Мастера помещали в центральный медальон рельефную надпись «Аллах». Также фиксируются нанесенные на памятники цитаты Корана. Некоторые образцы имеют указание на имя похороненного. Это может свидетельствовать о том, что памятники изготавливались под конкретное лицо. В то же время, на большинстве стел имя погребенного нанесено по верхнему краю памятника, его поле или на выступающих элементах врезным способом. Возможно, в данных случаях покупался готовый памятник, на который перед установкой наносилось имя усопшего. Интересно, что на памятнике № 16 указание на персоналию похороненного нанесено дважды – в центральном медальоне рельефно и в самом верху памятника врезкой.

Для нанесения надписей использовались различные вариации почерков *куфи* и *наسخ*. Первый до XI в. был основным видом арабского письма. Вторым, будучи более лёгким и быстрым прописным почерком, стал более популярным, а начиная с X в. вытеснил *куфи*. Почерк *куфи* характеризуется угловатостью и прямолинейностью букв, второй – их округлостью. Процесс перехода от одного шрифта к другому был постепенным и длительным. Чем ранее нанесен текст надписи, тем более угловат ее почерк, и, соответственно, чем позже надпись, тем меньше в ней черт почерка *куфи*.

Данное разъяснение предельно упрощено и не учитывает многие важные характеристики (специфику начертания букв, их соединение, и т.д.), но дает некоторое представление о принципах датировки эпиграфистами. Важно отметить, что *куфи* вплоть до конца XV в. широко использовался для украшения надписей в силу устоявшихся художественных традиций. Надписи в XIV–XV вв., выполненные *куфи*, почти все рельефные и в большей степени являются декором. Врезная же надпись в исполнении более простым почерком позволяет поместить большее количество информации на надгробии, носит утилитарный характер, и, соответственно, в большей степени отражает свою эпоху и время. Таким образом, врезная надпись становится одним из важнейших датирующих элементов для памятников, созданных вплоть до XVI в.

При характеристике памятников кубачинского кладбища «Бидах хуппе» нельзя обойти вниманием искусность мастеров. В отделку памятников вложен значительный труд, а резьба массива экземпляров выполнена на высочайшем профессиональном уровне.

Кубачи известно, прежде всего, как один из крупнейших центров художественной обработки металлов. Украшения и оружие, изготовленные многими поколениями кубачинцев известны на весь мир, а их малую родину принято называть «аулом златокузнецов». Между тем в Кубачи, помимо ювелирного производства, получили свое яркое развитие различные виды декоративно-прикладного искусства – художественная обработка камня, дерева, бронзолитейное производство. Здесь создавались великолепные образцы искусства, которые занимают центральное место в национальном культурно-художественном наследии Дагестана, в сокровищнице мировой художественной культуры. Это каменные, богато орнаментированные рельефы, детали архитектурного декора с арабской эпиграфикой и изобразительными сюжетами, надгробные стелы с декоративными арабскими надписями и растительным орнаментом, литые бронзовые котлы с различными орнаментальными и изобразительными композициями и арабскими надписями, памятники искусной резьбы по дереву – резные двери, опорные столбы [4, с. 795].

Кубачинское искусство узнаваемо к какому бы периоду времени не относился образец – к Средневековью, или он был изготовлен в наши дни. Его орнаментика и композиционные решения имеют собственный и неповторимый колорит, трансформируются во времени, но получают свое новое содержание не за счет заимствований, а благодаря развитию своих внутренних художественных ресурсов.

Корни кубачинского искусства – в далеком прошлом. Первые датированные с определенной точностью образцы относятся к XIV в., и это надмогильные стелы местных кладбищ. Памятники «Бидях хупше» – это наиболее ранние образцы кубачинского искусства, несущие на себе дату создания.

Список литературы

1. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Надмогильные стелы конца XIII – начала XVIII в. кладбища в с. Шири // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. № 2. С. 107–126.
2. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Результаты эпиграфической экспедиции в Дахадаевский район Дагестана в 2020 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 4. 2021. С. 1084–1129.
3. Мусаев М.А., Магомедов М.Г. Датировка надмогильных памятников по изображениям оружия (на примере изучения стел кладбища поселения Сулевкент) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 18. № 2. 2022. С. 266–274.
4. Маммаев М.М. Две художественно отделанные мусульманские стелы XIV в. из дагестанского селения Кубачи: к вопросу о датировке и авторстве // История, археология и этнография Кавказа. Т. 18. № 3. 2022. С. 793–804.
5. Маммаев М.М. Зирихгеран-Кубачи: Очерки по истории и культуре. Махачкала, 2005. 252 с.
6. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: ИД «Эпоха», 2014. 592 с.
7. Маммаев М.М. Надмогильные памятники детских погребений XIV–XV вв. из с. Кубачи: особенности декоративной отделки // История, археология и этнография Кавказа Т. 15. № 4. 2019. С. 704–722.
8. Маммаев М.М. Изучение памятников камнерезного искусства и арабской эпиграфики XIII–XX вв. кубачино-даргинского нагорья Дагестана в 2009 г. // Вестник ИИАЭ. 2009. №4. С. 120–147.
9. Маммаев М.М. Резные камни XV в. из сел. Кубачи с именами изготовивших их мастеров // История, археология и этнография Кавказа. 2018. №4. С. 117–131.
10. Маммаев М.М. Надмогильные памятники детских погребений XIV–XV вв. из с. Кубачи: особенности декоративной отделки // История, археология и этнография Кавказа Т. 15. № 4. 2019. С. 704–722.
11. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984. 464 с.
12. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М., 1966. 300 с.
13. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи / Сост., предисл. А.А. Иванов. Вст.ст. Р. Алиханова. Послесловие А.А. Иванова. Л., 1976. 208 с.
14. Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989. 348 с.
15. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше. Махачкала: МавраевЪ, 2019. 180 с.

Ил. 1. Северная часть кладбища Бидах хуппе. Стрелками показано ограждение некрополя

Ил. 2. Часть памятников, расположенных у ограждения кладбища

Ил. 4. Стела №2. XIV в.

Ил. 6. Стела №4. XV в.

Ил. 8. Стела №6. XV в.

Ил. 10. Стела №8. Вторая половина XVI – начало XVII в.

Ил. 12. Стела №10. XV в.

Ил. 14. Стела №12. Начало XIV в.

Ил. 15. Стела №13. Конец XIV в. – начало XV в.

Ил. 16. Стела №14. Первая половина XV в.

Ил. 17. Стела №15. Конец XIV в. – начало XV в.

Ил. 18. Стела №16. Первая половина XV в.

Ил. 19. Стела №17. Первая половина XV в.

Ил. 20. Стела №18. Первая половина XVI в.

Ил. 22. Стела №20. XV в.

Ил. 23. Намогильный памятник 1797/98 г.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ, ВЫЯВЛЕННЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДАГЕСТАНСКОГО ФИЦ РАН В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Эпиграфика Дагестана имеет глубокую традицию и представлена именами известных ученых и выдающихся специалистов: Н.В. Ханькова, Б.А. Дорна, И.А. Крачковской, Е.А. Пахомова, М.-С.Д. Саидова, Л.И. Лаврова, Л.Т. Гюзальяна, М.Х. Нейматовой, А.Р. Шихсаидова. Исследователи являются авторами как работ, посвященных отдельным памятникам письменности, так и комплексных исследований, которые сыграли важную роль в освещении средневековой истории Восточного Кавказа.

Учитывая, что эпиграфические тексты – один из основных источников духовной, религиозной, политической, социальной и экономической истории Средневековья региона, изучение надписей, сосредоточенных в Дагестане, продолжается. К достижениям последнего времени следует отнести изучение среднеперсидских надписей Дербента М.С. Гаджиевым и С.Ю. Касумовой, публикации по арабской эпиграфике Т.М. Айтберова, В.О. Бобровникова, З.Ш. Закарияева, Ш.М. Хапизова. Также исследования проводятся Эпиграфической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН¹, результаты работы которой регулярно публикуются в научной изданиях. В числе множества интересных находок последних лет, выявленных Экспедицией, можно выделить некоторые уникальные образцы.

1. В ходе экспедиционных исследований в заброшенном с. Кала-Корейш (Урцмуци) Дахадаевского района в 2017 г. выявлен надмогильный памятник с датировкой тысячелетней давности. Он представляет собой трапециевидную плиту без орнаментирования. Размерность: высота – 113 см, ширина в нижней части – 67 см, ширина в верхней части – 73 см, толщина – 7–9 см (Ил. 1). Тыльная сторона стелы –

---

¹ Группа работает под руководством автора данных строк и включает исследователей Ш.Ш. Шихалиева и М.Г. Шехмагомедова.

пустое поле. На лицевую сторону ранней вариацией почерка *наسخ* нанесена следующая врезная надпись на арабском языке:

الملك لله الواحد القهار صاحب هذا القبر قاضي محمد سنة اثني عشر اربعمائة غفر الله له

Перевод:

Владычество принадлежит Аллаху, Единому, Всепобеждающему. Владелец этой могилы кадий Мухаммад. Год четыреста двенадцатый. Да простит его Аллах.

Указанная дата соответствует 1021/22 г. [1, с. 148].

Примечательность данного памятника в том, что он один из самых ранних датированных надмогильных памятников, известных на дагестанской территории. Старше только происходящий из Дербента или округа (что ставится под сомнение), относящийся к 411 г.х. (здесь и далее: г.х. – год хиджры), а точнее 28 числу месяца зу-л-ка’да, что соответствует 15 марта 1021 г. [2, с. 58–59, 265 рис. 6].

Здесь следует подчеркнуть, что эпиграфические памятники, датированные более ранними веками, известны, но это не эпитафии, а строительные надписи.

2. В 2019 г. на кладбище в с. Хадаги Кайтагского района обнаружен памятник редкой формы (Ил. 2). Он столбовидный, сужающийся книзу, со стреловидным верхом. Надгробие примерно посередине обломано на две части. Нижняя половина плотно сидит в земле, верхняя лежит рядом. При соединении обломков, стела имеет следующие размеры: высота – 113 см, ширина нижней части – 17 см, ширина максимальная – 25 см, толщина – 18 см.

На лицевой стороне стелы имеется антропоморфное изображение (прямоугольное «тело», выраженная «шея», круглая «голова»), выполненное выемкой. Внутри «головы» помещена врезная надпись «Аллах», внутри «тела» имеется арабский текст, выгравированный *наسخом*:

الموت يقنة صاحب هذا القبر خلق ابن حسن عليه الرحمة سنة ٨٦٨

Перевод:

Смерть – истина. Владелец этой могилы Халик, сын Хасана, да пребудет милость над ним! В году 868.

Имя Халик написано с орфографической ошибкой, а милость испрашена для одного, а не двоих, как должно быть. Дата соответствует 1463/64 г.

Следует отметить, что датировка цифрами очень редко встречается на памятниках региона ранее XVI в. Известно лишь несколько таких образцов: актовая запись в Курахе 757 г.х. (1356 г.); строительная надпись в Дербенте 770 г. х. (1368/69 г.); эпитафия в Хунзахе 791 г.х. (1388/89 г.); дарственная надпись на минбаре в кубачинской мечети 897 г.х. (1491/92 г.) [3, с. 84–85.].

3. В труде выдающегося кавказоведа Л.И. Лаврова имеется сообщение о еще одном памятнике, где датировка дается цифрами. Это надгробная плита в заброшенном с. Сулевкент (Дахадаевский район), на которой помимо «текстов религиозного содержания», наличествует «рельефная» надпись «почерком насх»: «*Обладатель этого Лаказ б.² Сулейман. 666 год*». Дополнительно сообщается, что текст читался исследователем по фото, предоставленному Э.В. Кильчевской в 1950 г. [2, с. 84–85].

Нас заинтересовала данная надпись, прежде всего тем, что дата указана цифрами, что весьма нехарактерно для памятников, датированных XIII в., а конкретнее – 1267/68 г. При сплошном изучении сулевкентского кладбища в 2021 г. нам не удалось обнаружить плиту с данной надписью, опубликованной Л.И. Лавровым. При этом на кладбище имеется памятник, отчасти соответствующий его описанию. Различие в том, что на плите нет текстов религиозного содержания. Там, где они могли бы быть – на ленте, обрамляющей прямоугольную плиту, содержится орнаментальная, а не эпиграфическая полоса. Надпись о погребенном графическая (врезная), нанесена на самый верх плиты и имеет следующее содержание:

صاحب هذا القبر داکچ ابن قنّب

Перевод:

Хозяин этой могилы ДаК.Ч. (Дакуча, Дакча?), сын К.Н.Б. (Канаби?).

При чтении надписи мы обратили внимание, что, учитывая тот факт, что Л.И. Лавров не видел сам памятник и пользовался его фотографией, при имеющихся особенностях написания, имя вполне могло быть прочитано им как «*Лаказ б. Сулейман*». Но нам не удалось обнаружить дату. При этом в конце надписи имеются штрихи, которые при не совсем качественной фотографии могли быть прочитаны как «666 год» (Ил. 3). Допускаем, что речь идет об одной и той же плите.

Сам памятник довольно старый. Об этом свидетельствуют начертания букв, выполненные угловатым *насхом*, а также орнаментика стелы. Она находит прямые аналогии с кубачинскими памятниками XIV в. с кладбища Бидахь-хуппе. При этом сулевкентский образец значительно уступает кубачинским в своем исполнении – форма памятника далека от совершенства, в орнаментике отсутствует строгая симметрия, геометрия композиции нарушена, выемка неглубокая и обработка фона не тщательная.

Следует отметить, что дагестанская эпиграфика накопила достаточно фактов неточного чтения надписей, в особенности по фото, что обосновывает необходимость их изучения на месте их расположения.

² «б.» – общепринятая в востоковедении форма сокращения арабского слова «ибн / бинт», со значением «сын / дочь».

4. При исследовании некрополя Ттатти-пир в окрестностях с. Баршамай Кайтагского района в 2017 г. выявлены стихи на персидском языке. Это начало одной из газелей Джалал ад-Дина Руми, нанесенное на надмогильный памятник, надежно датируемый второй половиной XIV в. [4, с. 33–49] (Илл. 4).

Персидские стихи чрезвычайно редки, но известны в дагестанской эпиграфике. Их можно разделить на две группы: стихи классиков персидской литературы, как, например, эпитафия из Хнова, датируемая месяцем раджаб 784 г.х. (сентябрь 1383 г.) [3, с. 211–213]; строительные надписи в Дербенте, например, 1439, 1610, 1667 гг., записанные в стихотворной форме. Последние персонифицированы, содержат имена правителей и написаны к определенному событию.

Часть указанных дербентских надписей датирована буквенными значениями цифр – *абджадийей*. Например, в конце одного из стихотворных произведений указано: «...Искал помощи о годе даты этого, [и] послышался голос неба [и он] дал известие, что у святых земли и неба имеются эти семь источников Каусара». Числовое значение букв в словах «источники Каусара» соответствует цифре «1077», т.е. 1666/67 г. [2, с. 164].

5. Памятники, датированные *абджадийей*, довольно сложно выявить, поскольку требуют детального и скрупулезного изучения надписей. За многие десятилетия обнаружен лишь один новый памятник с буквенной датировкой. Он находится в упомянутом выше с. Хадаги Кайтагского района. На стелу нанесены буквы «ذ», «ن», «ج» со значением 3, 50 и 700 соответственно, что в итоге относит памятник к 753 г.х. (1352/53 г.). Также буквой «س» указано, что это год, а традиционным «هـ», что это год хиджры.

Стела имеет фигурный стрельчатый верх, слегка трапециевидную форму (сужение книзу). Размеры: высота – 98 см, ширина максимальная – 53 см, ширина в нижней части – 49 см, толщина – 8 см (Ил. 5).

Формой верха, трапециевидностью, наличием выделенного центрального вертикального поля, центральной розетки, стела напоминает памятники кладбища уцмиев в Кала-Корейше и в целом надгробия уцмийского стиля в ранней их вариации [5, с. 57–58].

При сравнении с известными образцами бросается в глаза грубость декора хадагинского памятника, небрежность в обработке камня, отсутствие четкой симметрии в оформлении стелы.

Интересен орнамент памятника: всадник, стреляющий из лука, а также голуби, смотрящие друг на друга. Эти элементы декора расположены в самом низу памятника. В верхней части центрального

вертикального поля и по его бокам нанесены рельефные надписи, выполненные *насхом*. Интересная деталь – выемка фона сделана только вокруг букв.

Текст:

...ولي محمد ابن تاج... لا اله الا الله محمد رسول الله... دين

Перевод:

Вали Мухаммад, сын Таж... Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха... Религия...

6. Если возвратиться к вопросу о стихотворениях на надгробиях, то следует указать, что они сосредоточены, как правило, на эпиграфических лентах. Исследователи зачастую не обращали внимания на них, отмечая только наличие эпиграфических полос и указывая лишь, что надпись «религиозного содержания». Как показывает первая практика сплошного исследования кладбища с чтением всех эпитафий, как это было реализовано в отношении некрополя наследственной династии правителей Кайтага – уцмиев, эпиграфические ленты представляют научный интерес. В частности, выявлены стихи следующих авторов: Абубакр Мухаммад б. ал-Валид ал-Фихри ат-Туртуши (1059–1126); Абу Йахйа Малик б. Динар ал-Басри (ум. примерно в 744–747 г.); Таммам б. Галиб ибн Са‘са‘а ад-Дарими ат-Тамими по прозвищу ал-Фараздак (ум. в 728 или 730 г.); правнук пророка Мухаммада – ‘Али, сын Хусайна, сына ‘Али, более известный как Зайн ал-‘Абидин (ум. в 713 г.) [1, с. 142] (Ил. 6а).

Стихи встречаются не только на эпиграфических лентах. Их можно обнаружить на поле памятника. Например, произведение, приписываемое четвертому халифу ‘Али б. Абу Талибу (ум. в 661 г.) нанесено на стелу XIV в. в с. Шири [6, с. 118–119] (Ил. 6б).

В науке, относительно дагестанских намогильных памятников, утвердился тезис о том, что ранние памятники содержат лапидарные тексты, со временем они становятся все пространнее. Между тем имеется несколько памятников, относящихся к XIV–XV вв., которые содержат значительные по объему тексты.

Содержание стихов расширяет наше понимание литературных предпочтений дагестанцев и средневековой погребальной культуры.

7. В ходе экспедиции в Дахадаевский район в 2020 г. в с. Ашты выявлен прекрасно орнаментированный надмогильный памятник XVI в. (Ил. 7). Размерность: высота – 74 см, ширина в нижней части – 53 см, ширина верхней части – 56 см, толщина – 7 см.

Надпись:

هذا قبر المرحوم المقتول الغريب الشهيد المرید الكامل للشیخ تراب الاقدام المسمى بمحمد
بيك بن يحيى الشرواني لاصل
في تاريخ الهجرة النبوية سنة ثمان و خمسين و تسعمائة

Перевод:

Это могила покойного чужеземца, павшего шахидом, совершенного мюрида шайха Турабу-л-акдама³, и имя ему Мухаммад-бек, сын Йахьи, происходящий из Ширвана (аш-Ширвани), в дату хиджры пророка девятьсот пятьдесят восьмом [году].

Дата соответствует 1551 г.

Надмогильный камень не стоит на месте первоначальной установки. Он встроен в ограду аштынского кладбища, недалеко от могилы шейха Ахмада аз-Зирихкирани, являвшегося наставником ширванца. Примечательность памятника в том, что он способствует датировке периода жизни известного в округе шейха, а также в том, что своей формой, орнаментикой, особенностями начертания букв позволяет отнести к XVI в. другие схожие памятники, несущие на себе конкретную историческую информацию. Кроме того, содержание текста демонстрирует тесные религиозные контакты Дагестана и Ширвана в XVI в. и раскрывает нюансы религиозно-политической жизни региона.

8. В 2022 г. в с. Кубачи (Дахадаевский район) нами выявлена надмогильная стела с исторически важной надписью. Она вделана в подпорную стену у дороги, проходящей между частями кладбища среднего квартала старой части селения. На ней содержится следующая надпись:

صاحب هذا القبر رزيب بنت عثمان ماتت في الطاعون الذي نزل في هذه الديار في شهر
صفر سنة ست و سبعين و ثمان مائة

Перевод:

«Владелец этой могилы Разайба (Р.з.й.б.), дочь 'Усмана (имя 'Усман написано без долготы). Умерла она от чумы, которая поразила эти края (дийар) в месяц сафар восемьсот семьдесят шестого года» (Ил. 8).

Дата соответствует августу 1471 г. Это единственное сообщение о заболевании чумой в Дагестане между началом XV и серединой XVI в.

9. К интересным находкам 2020 экспедиционного года также следует отнести текст на камне, встроенном в минарет мечети в с. Худуц Дахадаевского района (Ил. 9а, 9б).

³ Известный эпитет, псевдоним шейха Ахмада аз-Зирихкирани (букв. «Пыль из под ног [шейхов]»).

Текст:

فلما وجد امير الامراء ايلدار شمخال دام ملكه هذ التاريخ من اباته الاقدمين و جداده الاكرمين لم يأخذوا شيأ من اهل هذه القرية ترك فلعن على من اخذ. نقشها اشتر محمد و حاجي علي سنة ١٠٣٥

Перевод:

Когда правитель всех правителей Ильдар-шамхал, да продлится его власть, обнаружил эту историческую запись (тарих), сохранившуюся от его прежних отцов и благородных дедов, о том, что они ничего не взымали с жителей этого селения, то решил поступить также и проклял того, кто возьмёт [после]. Эту запись начертали Ашар (А.ш.р.) Мухаммад и Хаджи 'Али в 1035 году.

Дата соответствует 1625/26 г. Речь в записи идет об Ильдаре, сыне Сурхая, правившем шамхальством вплоть до 1045 г.х. (1635/36 г.). Под «обнаруженной исторической записью» подразумевается известная науке надпись, датированная 718 г.х. (1318/19 г.) [3, с. 82–88, 361–362], где сообщается о передаче, следует понимать, части земель Худуца аштынцам в полную собственность без последующих выплат в период правления шамхала Ахсибара.

Интересно, что обе надписи соседствуют в стенах минарета, но, если о дарственной грамоте начала XIV в. хорошо известно, то о надписи начала XVII в. не сообщается. И не совсем понятно, как она могла ускользнуть от внимания исследователей. Данное обстоятельство служит дополнительным обоснованием того, что при проведении эпиграфических экспедиций необходимо охватывать не только территории, где не бывала нога исследователя, но и населенные пункты, которые считаются изученными эпиграфистами.

Список литературы

1. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфика некрополя уцмиев в Кала-Корейше. Махачкала: МавраевЪ, 2019.
2. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966.
3. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984.
4. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфика кладбища XIV–XV вв. «Татти-Пир» в окрестностях сел. Баршамай // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. №2. С. 33–49.
5. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Надмогильные памятники XIII – XVIII вв. кладбищ с. Хадаги: описание, типология, эпиграфика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 1. С. 52–56.
6. Мусаев М. А., Шихалиев Ш. Ш., Шехмагомедов М.Г. Надмогильные стелы конца XIII – начала XVIII в. кладбища в с. Шири // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. № 2. С. 107–126.

Ил. 1. Намогильная стела 1021/22 г. из поселения Кала-Корейш (текст выделен нами)

Ил. 2.
Столбовидный
намогильный
памятник
1463/64 г.
в с. Хадаги,
датированный
цифрами (общий
вид, детальное
фото даты)

Ил. 3. Намогильная плита из поселения Сулевкент (конец XIII – пер. пол. XIV в.)

Ил. 4. Кладбище Ттатти-пир в с. Баршамай.
Намогильные комплексные памятники
(№3 со стихами по фризу)

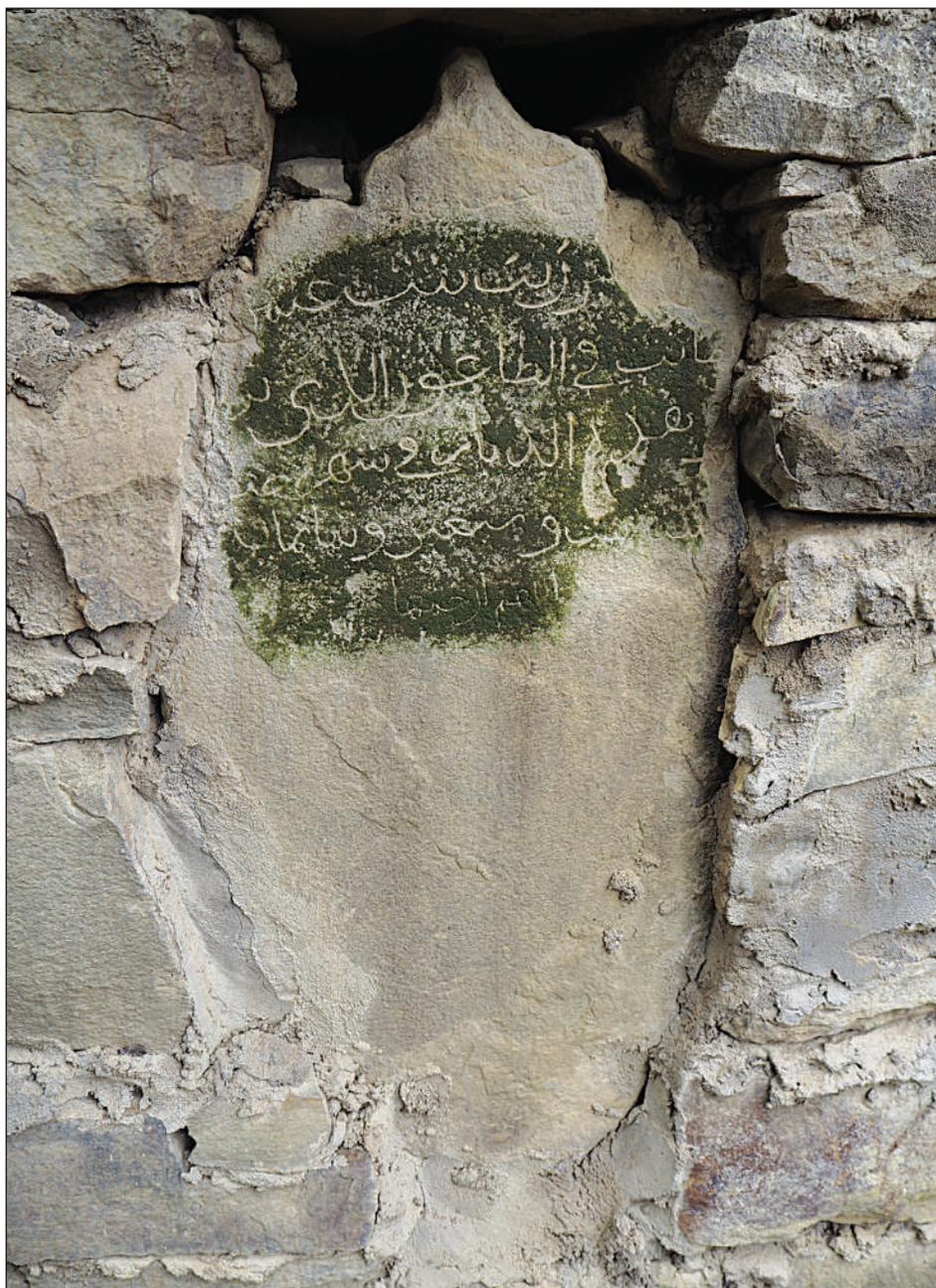
Ил. 6а. Намогильный памятник 1788 г. с арабскими стихами андалусского поэта XI–XII вв. Абубакра ат-Туртуши

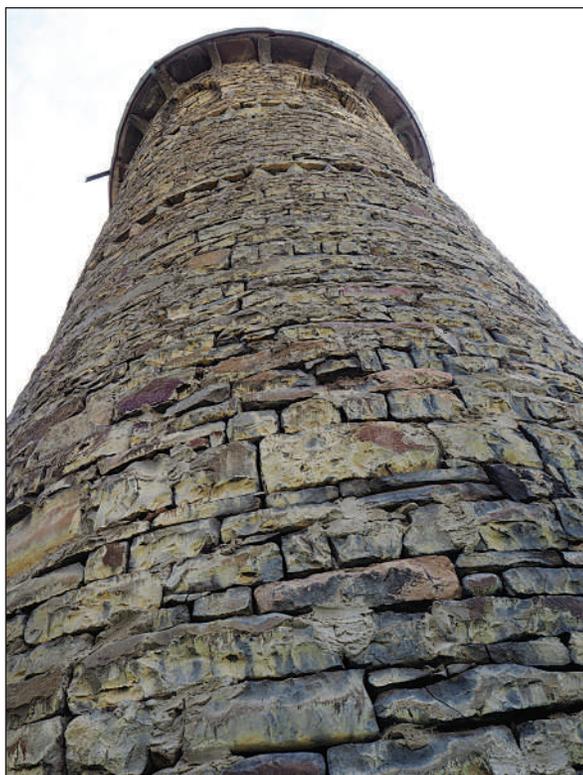
Ил. 66. Надгробие XIV в. в с. Шири со стихами праведного халифа Али

Ил. 7. Намогильная стела ширванца
Мухаммад-бека в с. Ашты, 1551 г.

Ил. 8. Намогильный памятник с эпитафией о смерти от чумы в 1471 г., с. Кубачи

Ил. 9а. Минарет в с. Худуц

Ил. 9б. Историческая запись на камне в стене минарета в с. Худуц, 1625/26 г.

Абдулаев А.М.

БАШЕННАЯ АРХИТЕКТУРА ДАГЕСТАНА (ОБЩИЙ ОБЗОР)

Одними из наиболее замечательных памятников средневековой культуры и архитектуры Горного Дагестана являются башенные сооружения – немые свидетели бурной исторической жизни дагестанских народов. Многие поколения возводили их для своей защиты. Образно говоря, башни были оплотом и гарантом целостности и продолжительности рода, фамилии, аула, общины. Башни отразили в себе выработанный веками опыт, традиции строительства, эстетические представления, религиозные верования, и тем самым воплотили в себе важные черты сотворившей их эпохи.

Вместе с тем, башенная архитектура дагестанских народов не только результат развития традиций местного домостроения, уходящих корнями в глубь веков, но и показатель многовековых и многосторонних связей наших предков с окружающим этнокультурным миром Кавказа. Башенная архитектура была широко развита почти у всех горцев Кавказа и свидетельствует о высокой архитектурно-строительной мысли его создателей. При этом, как это видится сегодня, Дагестан – один из ранних очагов этого культурного явления на Кавказе.

В то же время башенная культура Дагестана слабо исследована, и в отличие от памятников в Грузии, Чечне, Ингушетии, Осетии и Балкарии, в ее изучении существует много пробелов. Башням в этих республиках посвящено значительное количество научных изысканий, в то время как по дагестанским башням нет ни одной научной монографии. В силу этого данная тема является весьма актуальной и, несомненно, вызывает большой общественный интерес.

Важно отметить весьма плохую сохранность большинства памятников башенного зодчества Дагестана, насчитывающих не одну сотню. Это создает серьезные препятствия в их изучении. Лишь незначительное количество башен дошло до наших дней в своем первоначальном или почти нетронутым временем облике. В большой степени это связано с тем, что в XIX–XX вв., особенно во второй пол. XX в., с изменением социально-экономической ситуации исчезла потребность в башенных сооружениях, особенно расположенных за пределами горных поселений. Не используемые по назначению, они начинали разрушаться под воздействием времени, природы

и человека. Со второй пол. XX в. наблюдается активно протекающий процесс изменения традиционного архитектурно-пространственного облика горских поселений, постепенного исчезновения традиционной горской архитектуры, в том числе жилой башенной архитектуры. Местные жители разбирали башни для собственных нужд, не понимая их исторической ценности и сооружая из вторично используемого строительного камня более комфортные домостроения.

Одна из проблем в изучении данной темы заключается и в отсутствии целостного историко-теоретического представления о башенном зодчестве горцев Северного Кавказа, в т.ч. Дагестана. При этом отметим, что башенную архитектуру Дагестана нельзя рассматривать в отрыве от таковой соседних регионов и необходимо изучать в общем контексте башенного зодчества кавказского ареала.

Башенная архитектура Северного Кавказа – предмет исследования историков архитектуры, архитекторов, этнографов, археологов, культурологов. В историографию башенной архитектуры региона внесли свой вклад В.Х. Тменов [1], Г.Я. Мовчан [2; 3], М.И. Джандиери и Г.И. Лежава [4], В.И. Марковин [5], С.О. Хан-Магомедов [6; 7], И.М. Мизиев [8], А.Ф. Гольдштейн [9; 10; 11; 12], М.Б. Мужухоев [13], С.Д. Сулименко [14; 15], Д.Ю. Чахкиев [16; 17], Л. Ильясов [18] и др. В работах названных и других исследователей нашли освещение вопросы генезиса и эволюции этого вида сооружений, классификация, характерные конструктивные черты и особенности, архитектурно-пространственные и композиционные решения и т.д. Тем не менее, поставленные вопросы почти не исследованы в отношении средневекового башенного зодчества народов Дагестана. Существует только две работы, специально посвященные башенной архитектуре Дагестана и фактически положившие начало изучению этих памятников архитектуры – это статьи архитекторов А.Ф. Гольдштейна «Башенные сооружения горного Дагестана» (1971) [10] и С.О. Хан-Магомедова «Объемно-пространственные композиции башенных сооружений горных аулов Дагестана» (1974) [6]. Между тем, изучение башенной архитектуры охватывает широкий спектр различных вопросов – не только архитектурно-строительных, но и связанных с социально-экономической, военно-политической, религиозно-идеологической жизнью общества.

Процесс становления и развития башенного зодчества народов Северного Кавказа, в т.ч. Дагестана, был определен причинами социально-экономического и военно-политического порядка. В огромной мере он был вызван, как полагают исследователями, происходившими военно-политическими событиями, обусловившими строительство башен в качестве ответной, защитной реакции на вторжения врагов, иноземных захватчиков. Хронологически этот процесс относят

к средневековой эпохе, насыщенной военными вторжениями. Возникновение башенной архитектуры объясняется задачами обороны, прежде всего, защитой от внешних врагов, а также особенностями общественных отношений в среде горских народов, в частности, нормами обычного права, обычаем кровной мести [4, с. 77; 19, с. 182]. В качестве примера, можно привести трехэтажную Кородинскую башню, которая занимает стратегическое место на берегу горной реки у входа в ущелье на подступах к аулу, выполняя тем самым наблюдательно-сторожевую функцию, но и именуемую, по местным преданиям, «башней кровников». А.Ф. Гольдштейн отмечал, что «тот, кто подвергался опасности кровной мести, конечно, не имел ни времени, ни условий строить башню. Боевые башни, как правило, принадлежали всему селению и служили для защиты от внешнего врага» [11, с. 53]. Тем не менее, бытуют предания о строительстве семьями башен для родственников-кровников. Например, башня Абдухуршилова в с. Хотода была построена родителями, проживавшими в с. Урада, для сына, который убил кого-то из родственников; сын вынужден был бежать и спастись от кровной мести в этой башне. В отличие от оборонительных сигнально-сторожевых (дозорных) башен, башенные жилища (или жилые башни) в Дагестане могли принадлежать конкретным фамилиям, тухумам.

Иногда боевые башни можно встретить на границах между сельскими обществами, в таких случаях они, естественно, выполняли и оборонительную, и сигнально-сторожевую функции. Нельзя исключать из причин строительства таких сооружений возникавшие длительные конфликты между различными общинами, обществами или даже тухумами. Например, народная традиция называет причиной строительства, оборонительного комплекса из семи башен и примыкавших к ним жилых домов в с. Гоор (союз сельских обществ Гидатль) предположительно в конце XVII в. враждебные отношения с соседними общинами. По преданию, основателем селения был один из потомков правителя Гидатля, и башни принадлежали его тухуму для защиты. По другому преданию, две башни Гоора принадлежали соответственно тухумам Марзилал и Сурхетилал, которые постоянно враждовали меж собой. Другим примером является семиэтажная башня в с. Мусрух, которая, по преданиям, была сооружена союзом сельских общин Келеб и предназначалась для защиты от нападения со стороны союза Гидатль.

Как отмечал С.Л. Сулименко, в объяснении причин возникновения башенной архитектуры Северного Кавказа превалирует функционально-рационалистический подход, который определил упрощенное понимание генезиса башенного архетипа и особенности его культивирования в домостроительном творчестве горцев, а так как именно

родовая эпоха – время возникновения башенных сооружений, то именно в эту эпоху формируются устойчивые формы – пространственные архетипы народной домостроительной культуры, один из которых – форма башенного пространства [15, с. 12–13]. Однако и такой подход не учитывает различные социально-экономические условия, в которых протекал процесс становления и развития башенного строительства. На территории Дагестана этот процесс приходится на период развития государственных форм общественной жизни – памятники башенной архитектуры представлены на территории как феодальных владений (Аварское ханство, Кайтагское уцмийство, Казикумухское шамхальство и др.), так и союзов сельских обществ (Гидатль, Анцух-Капуча, Бохнода, Каралал, Тлейсерух, Андалал, Кюра и др.), представлявших уже раннегосударственные образования.

Исследователи относят начало башенного строительства к XIV–XVI вв. и связывают это с активным процессом этногенеза горских народов Северного Кавказа, ставшим временем зарождения традиционной горской культуры. Последующие XVII – нач. XVIII в. они рассматривают как период дальнейшего развития традиционной горской культуры и расцвет северокавказской традиционной архитектуры [20]. Однако, представляется верным предположение, что и начало этногенеза горских народов, и зарождение их традиционной культуры, в т.ч. народного зодчества, приходится на значительно более раннее время. Несомненно и то, что, как на то уже обращали внимание исследователи [4, с. 16], именно с народной домостроительной традицией, с традиционным горским жилищем связано происхождение и башенных жилищ в системе поселений, и оборонительных и наблюдательных башен, расположенных за пределами поселений, как правило в стратегически важных местах, на господствующих высотах.

Вопрос датировки памятников башенной архитектуры – один из центральных, без решения которого невозможно решение проблемы возникновения, генезиса, развития этого яркого явления в традиционном народном зодчестве. В этом аспекте новаторскими являются исследования башен Ингушетии методом радиоуглеродных исследований, которые позволили датировать серию башен (Салги, Эрзи, Вовнушки) XVII–XVIII вв. [21, с. 318]. Дальнейшие комплексные междисциплинарные исследования в этом направлении, необходимость проведения которых в различных областях Северного Кавказа очевидна, несомненно, значительно углубят наши знания в изучении башенной архитектуры региона.

Важные данные для исследования генезиса башенной архитектуры, датировки ранних башенных сооружений Дагестана были

получены в результате раскопок, проведенных на городище Урцеки. Прежде следует отметить, что М.С. Гаджиев, изучавший застройку, планировку, архитектуру, домостроительство городища Урцеки и других раннегородских поселений Дагестана позднего албано-сарматского периода и начала Раннего Средневековья (до VI в.), пришел к выводу, что древние и средневековые городища Дагестана в градостроительной композиции, архитектурно-планировочных решениях, строительной технике имеют близкое сходство со старым дагестанским аулом, что «именно в албано-сарматский период начинают складываться в основных чертах традиционные типы дагестанского дома. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические параллели, наблюдающиеся в архитектурно-композиционных и объемно-планировочных решениях, в строительных приемах и конструкциях, в интерьере зданий» [20, с. 77].

Несомненный интерес представляет весьма плотно застроенный комплекс цитадели городища Урцеки, расположенной на возвышенности, и оборонительные стены которой дополнены на ряде участков прямоугольными глухими башнями и двумя привратными фланкирующими башнями, игравшими важную роль в системе обороны. Выделим и прямоугольную привратную башню (4,8×3,7 м) юго-западных ворот городища, имевшую мощные стены (толщиной 0,85–1,2 м) и внутреннее помещение (2,3×1,6 м) [20, с. 31–34, 37].

Но особое внимание следует уделить наблюдательно-сторожевым башням, расположенным на территории цитадели Урцеки, плотная застройка которой характеризуется одно- и двухэтажными домами с нижними полуподвальными этажами, служившими, как правило, кладовыми. Как отмечает М.С. Гаджиев, башни «входили в соответствующие архитектурные комплексы, а их нижние этажи также служили кладовыми, в которых находились крупные хозяйственные сосуды типа хумов». Именно как остатки башен им интерпретируются помещение 3 раскопа 1, помещение 6 раскопа 2 и сооружение в западной части помещения 6 раскопа 13. На это указывают, прежде всего, их архитектурные особенности, выделяющие эти сооружения среди других зданий цитадели. Они имеют подквадратный план с внутренними размерами в пределах 2,3–2,6×2,5–2,75 м, более мощные стены (толщиной 0,8–1,1 м), у них отсутствуют на уровне первого этажа дверные проемы, связывающие их со смежными помещениями. «Башни располагались так, что позволяли контролировать и наблюдать подступы к городищу со всех сторон: одна находилась в северо-восточной части цитадели (помещение 3, раскоп 1), непосредственно у площади, другая – в противоположной юго-западной части, недалеко от угла цитадели (помещение 6, раскоп 2) и третья – в западной части, на линии оборонительной стены, но не выступая

за нее (помещение 6, раскоп 13). Последняя располагалась на стыке двух участков оборонительной стены цитадели, где линия стены несколько изменяла направление и должна была играть важную роль в защите цитадели при ее осаде» [20, с. 70]. М.С. Гаджиев заключает: «Урцекские башни – наиболее ранние в башенной архитектуре Северо-Восточного Кавказа. Очевидно, что их появление является одним из достижений и показательным примером развития архитектуры Дагестана албано-сарматского времени» [20, с. 154].

Таким образом, датируемые III–V вв. архитектурные остатки городища Урцеки документируют появление башенной архитектуры, как на линии обороны (оборонительные стены, ворота), так и в системе застройки (наблюдательно-сторожевые башни), и значительно отодвигают истоки традиционного башенного зодчества Дагестана.

Промежуточным звеном между ранними башнями Урцеки и памятниками башенной архитектуры Дагестана, дошедшими до нас в руинированном или разрушенном состоянии и датируемыми, как правило, умозрительно, Поздним Средневековьем (XVI–XVIII вв.), выступают обнаруженные в ходе археологических раскопок наблюдательно-сторожевые башни на городищах Таргу и Охли. Сразу отмечу, что обе башни занимали господствующие высоты над реками (в первом случае – над р. Гамри-озень, во втором – над р. Барцани-тлар) и контролировали древние дороги и прилегающую округу.

Остатки квадратной в плане башни, расположенной на вершине цитадели городища Таргу (раскоп № 1), были впущены в культурный слой городища албано-сарматского и раннесредневекового времени. Башня датирована авторами раскопок предмонгольским периодом [22, с. 74, 77, рис. 9]. Она имела наружные размеры ок. 4,4×4,4 м с внутренней камерой размером ок. 2,6×2,6 м при толщине стен, возведенных на глиняном растворе, ок. 0,9 м.

На городище Охли была исследована крупная, квадратная в плане башня с наружными размерами 7×7 м и с внутренней камерой, сложенная из бутового и обработанного камня на глиняном растворе [23, с. 111, 118, 119, рис. 2]. Обращает внимание наличие в интерьере башни пилястров, которые по предположению авторов раскопок служили для установки балок межэтажного перекрытия. Находки в слое башни трех железных бронебойных наконечников стрел с четырехгранной пирамидальной головкой, длинными шейками круглого и граненого сечения и короткими черенками, костяного предохранительного кольца лучника, характеризующего так называемый «монгольский» принцип натягивания тетивы лука [24, с. 154–156], позволили датировать Охлинскую башню сначала в широком хронологическом диапазоне X–XIV вв., а затем обоснованно сузить ее временные рамки до XIII–XIV вв. [25, с. 258–261, рис. 39, 5–8].

К этим двум археологически исследованным башням Развитого Средневековья следует добавить уникальную башню близ с. Шихмихюр Курахского района, которая датируется XII–XIII вв. К сожалению, к нашему времени от башни сохранился только один угол. Тем не менее, ее остатки дают о ней представление, и подробное ее описание привел А.Р. Шихсаидов. Башня была сооружена в местности Келед-хур на холме у слияния рек Вегьре-вац и Кусна-вац при ущелье ЧирчиркIам. С нее просматриваются ущелья вплоть до селений Хпедж, Хпюк, Урсун. Башня прямоугольная, с основанием 3,68×4,71 м при сохранившейся высоте 12,5 м, построена на квадратной площадке (7,5×7,5 м). Она имела 4 этажа, сохранилось 6 бойниц. В кладку башни была вставлена арабская куфическая строительная надпись, сообщающая, что «это построил Ш.н.х (шейх?) сын Исабека» и датируемая по палеографическим особенностям XI–XIII вв. [26, 191–193, илл. 79].

Таким образом, данные археологии и эпиграфики указывают на преемственную связь между тремя хронологически различными группами памятников башенной архитектуры Дагестана Раннего, Развитого и Позднего Средневековья, которые, несмотря на имеющиеся хронологические разрывы, имеют близкие конструктивные особенности и параметры.

Башни Дагестана, несмотря на общие черты, отличаются от башен других регионов Северного Кавказа. Эти отличия касаются конструктивных особенностей, устройства межэтажных перекрытий, переходов, кровли и др. Например, башни Дагестана в основном построены на глиняном растворе или насухо, в отличие от большинства северокавказских башен, возведенных на известковом растворе. Они не имеют резкого сужения кверху, пирамидальных крыш и очень редко снабжены машикулями и др. Вместе с тем, башни Дагестана при общности типа, плана имеют между собой различия в структуре и форме в зависимости от их назначения и местных архитектурно-строительных традиций.

Как отмечал В.Х. Тменов, «характерной особенностью традиционной архитектуры Северного Кавказа является ее конструктивность, простота исходных строительных материалов, мастерское использование последних зодчими, научившимися создавать из них своеобразные и запоминающиеся сооружения. Издали стены башен воспринимались несокрушимым монолитом, вблизи это впечатление еще более усиливалось» [1, с. 85–87]. «Наружному облику башни свойственна величайшая сдержанность и скупость. Она соответствует важнейшей заповеди старой нормы поведения горца – наружной сдержанности чувства, немногословности, умению владеть собой, даже скрытности», – подчеркивал Г.Я. Мовчан [2, с. 28].

Как отмечал С.Д. Сулименко, башня – один из устойчивых и распространенных архетипов пространства различных архитектурных культур, культивирование которого в домостроительном творчестве горцев не является чем-то исключительным. Феномен башенной архитектуры Северного Кавказа и Дагестана заключается и в том, что только здесь башенный архетип достаточно продолжительное время был одной из ведущих архитектурных форм основных типов сооружений: жилых, ритуально-общественных, сакральных, фортификационных. Башенный архетип стал ведущей темой народного творчества и вследствие этого получил художественное выражение в уникальных памятниках архитектуры – разнообразных башенных сооружениях, которые представляют самобытность творчества горцев Северного Кавказа [15, с. 46]. Как мы показали, этот архетип, возникнув в Дагестане на заре Средневековья, фактически дожил до этнографической действительности.

Как известно, башни подразделяются на две основные группы – это жилые и боевые (в т.ч. дозорные, сигнально-сторожевые) башни. Такая классификация в определенной степени условна, т.к. жилые башенные сооружения, несомненно, несли и оборонительную функцию. Башни были квадратные (как правило), прямоугольные в плане и круглоплановые. Последние весьма редки – в качестве примера можно назвать башни в с. Хуштада Тляратинского района, с. Кули Кулинского района (не сохранилась), в с. Нютюг Сулейман-Стальского района и в с. Кубачи (башни Кунакла-кала и Акайла-кала) и с. Ицари Дахадаевского района.

Жилые башни являлись сооружениями для индивидуальной обороны жилища. Они были распространены в основном в зонах проживания аваро-андо-цезских народов. Эти башни имели облик замкнутого, крепостного характера и обычно были трехэтажными: на первом этаже размещался хлев, на втором – жилое помещение, третий предназначался для обороны, часто был оснащен бойницами, редко – машикулями. Плоская крыша тоже могла служить боевой площадкой и нередко ограждалась парапетом с бойницами. Входная дверь второго этажа, как правило, находилась на высоте 3–4 м и имела приставную лестницу. Внутреннее сообщение между этажами осуществлялось посредством лестниц. В отличие от Осетии, Чечни и Ингушетии, в Дагестане жилые башни не имели широкого распространения, вероятно, это объясняется тем, что в Дагестане, в отличие от других областей горного Кавказа, оборонительные функции возлагались не на отдельные жилища, а на селение в целом, которое представляло собой единый оборонительный комплекс [6; 10].

Одним из великолепных образцов такой жилищно-оборонительной башенной архитектуры, отличающимся художественным

совершенством, является позднесредневековая башня Чинара Мусы в с. Ругуджа Гунибского района. Башню выделяет не только высокое качество кладки и безупречные линии легкого энтазиса, но и ряд красивых деталей [3, с. 229]. Башня имеет 5 этажей: первый служил хлевом, второй и третий этажи были жилыми, четвертый, судя по амбразурам, являлся боевым, пятый этаж сохранился не полностью. Кладка башни декорирована резными камнями, крестообразными «амбразурами», каменной плитой с рельефными изображениями всадников, животных, птиц, древа жизни (?). Уникален рельеф обрамленного нижнего окна в виде разинутой пасти. На южном фасаде установлен камень с арабской надписью.

Башни оборонительные, сигнально-сторожевые представляют собой обособленную многоэтажную постройку, обычно высотой до 15 м (4–5 этажей), как правило, квадратного плана, редко круглоплановые (например, Ицаринская, Нютюгская и др. башни), имевшие самостоятельный вход снаружи на уровне первого или второго этажа. В единичных случаях башня строилась (как в Сванетии) при жилище отдельной семьи, чаще (как в Чечне и Ингушетии) в комплексе жилищ родственной группы. Обычно же эти башни были составной частью оборонительных сооружений селения и несли также функцию сигнально-сторожевых (например, Мусрухская башня, высотой 25 м в 7 этажей; башни Бакдаб-росо в Старом Кахибе). Башни, располагавшиеся за пределами селения, на подступах к нему, на стратегических высотах и путях, являлись, как правило, сигнально-сторожевыми, дозорными (например, Анцухская башня). Они располагались на расстоянии зрительной связи с селением в местах, откуда обеспечивался обзор за дальними подходами к местности, и находившаяся в них стража должна была сигнализировать о приближении противника. Такие башни обычно составляли систему сигнально-сторожевых башен, расположенных вдоль коммуникаций в бассейнах крупных рек (напр., Аварское Койсу, Андийское Койсу и др.), и обеспечивали стратегическую информационную связь как внутри отдельных союзов сельских общин, так и региона в целом [6; 10].

Уникальна по своему местоположению Кородинская башня. Она находится близ с. Корода Гунибского района в живописном ущелье Къурданаха на гигантском валуне, диаметром 6–8 м, нависающем над Хебдинским ручьем. Валун перешейком соединен с входной площадкой. С остальных сторон башня недоступна. Башня в плане прямоугольная (внутренние размеры 2,6×2,4 м), высота ее 8 м, на всех этажах имеются амбразуры [3, с. 253–254].

В завершении отметим, что памятники башенного зодчества Дагестана, являясь великолепными образцами традиционной народной архитектуры, представляют несомненный научный интерес,

привлекают к себе внимание широкой общественности, многочисленных туристов. К сожалению, многие из них уходят в прошлое, подвержены разрушениям, что демонстрирует настоятельную необходимость принятия срочных мер по их сохранению и изучению. Приведенный краткий обзор показывает назревшую потребность комплексного архитектурно-археологического и историко-этнографического изучения башенного зодчества народов Дагестана, как яркого и показательного примера традиционной горской архитектуры. Накопленный к настоящему времени обширный документальный материал позволяет это сделать.

Список литературы

1. *Тменов В.Х.* Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.
2. *Мовчан Г.Я.* Древняя архитектура Аварии (горный Дагестан). Автореф. дис. ... докт. архит. М., 1970.
3. *Мовчан Г.Я.* Старый аварский дом. М., 2001.
4. *Джандиери М.И., Лежава Г.И.* Народная башенная архитектура. М., 1976.
5. *Марковин В.И.* Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // Архитектурное наследство Вып. 23. 1975.
6. *Хан-Магомедов С.О.* Объемно-пространственные композиции башенных сооружений горных аулов Дагестана // Архитектурное наследство. Вып. 22. 1974.
7. *Хан-Магомедов С.О.* Архитектура Дагестана. В 6 вып. М., 1998–2005.
8. *Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970.
9. *Гольдштейн А.Ф.* Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала, 1969.
10. *Гольдштейн А.Ф.* Башенные сооружения горного Дагестана // Архитектурное наследство. Вып. 21. 1971.
11. *Гольдштейн А.Ф.* Башни в горах. М., 1977.
12. *Гольдштейн А.Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.
13. *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII-XVII вв.). Грозный, 1977.
14. *Сулименко С.Д.* Архитектура в традиционной культуре горских народов Северного Кавказа. Автореф. дис. ... докт. архит. М., 2000.
15. *Сулименко С.Д.* Башни Северного Кавказа. Владикавказ, 1997.
16. *Чахкиев Д.Ю.* Древности горной Ингушетии. Т. 1. Назрань, 2003.
17. *Чахкиев Д.Ю.* Древности горной Ингушетии. Т. 2. Назрань, 2009.
18. *Ильясов Л.* Тени вечности. Чеченцы: Архитектура, история, духовные традиции. М., 2004.
19. *Кобычев В.П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982.
20. *Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002.
21. *Гадиев У.Б., Мацковский В.В.* Новые результаты радиоуглеродных исследований памятников архитектуры горной Ингушетии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения.

Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20-25 апреля 2020 г. Махачкала, 2020.

22. *Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б.М.* Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.

23. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений Горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.

24. *Волков И.В.* О происхождении «монгольского» способа стрельбы из лука // Восток – Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Казань, 2004.

25. *Абакаров А.И.* Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

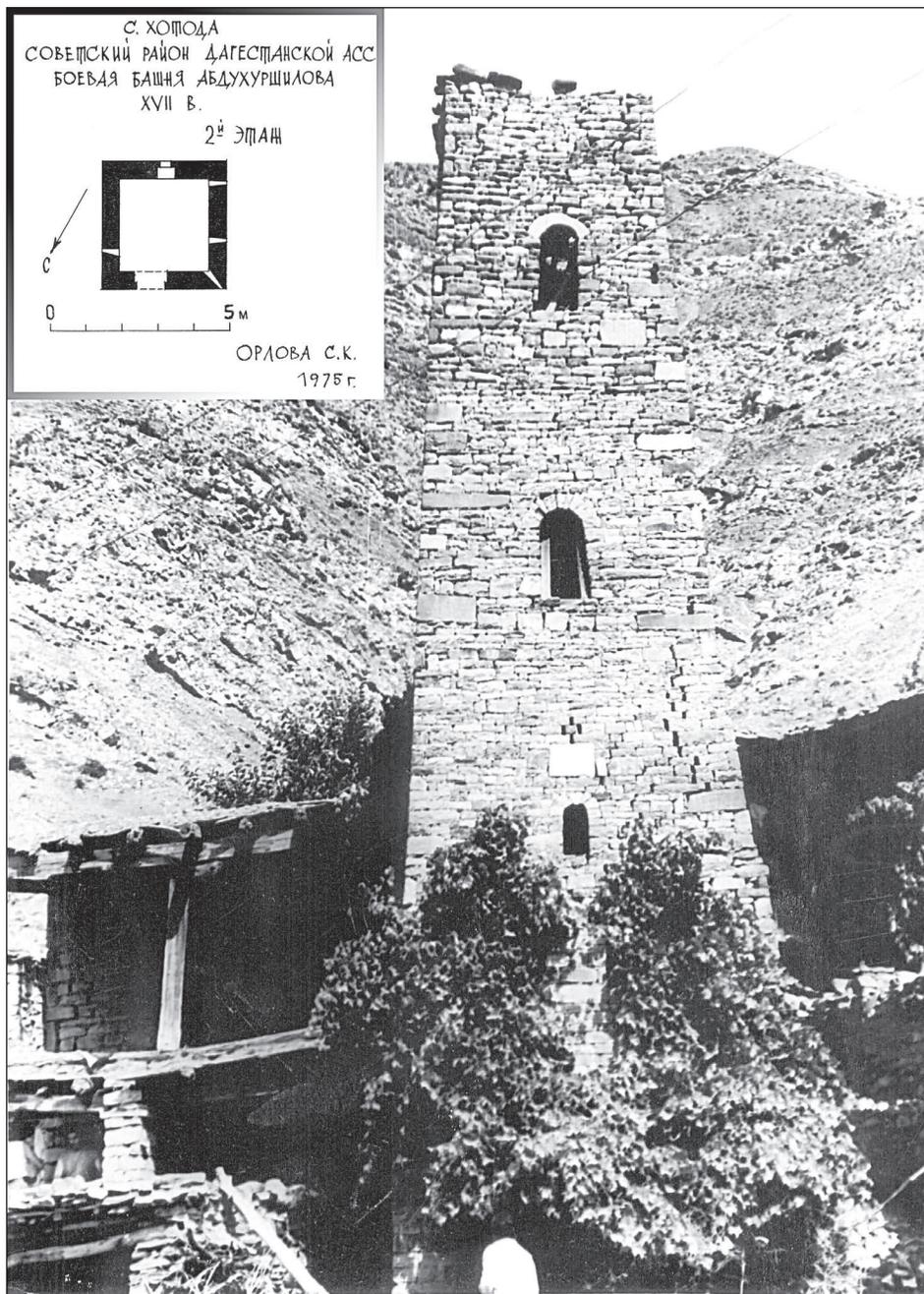
26. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

Ил. 1. Кородинская башня.
Фото Архива ГБУ РЦОПИК,
2021 г.

Ил. 2. Башня в Гочобе.
Фото из Архива ГБУ РЦОПИК, 2021 г.

Ил. 3. Башня Абдуршилова, с. Хотода.
Фото и схема С.К. Орловой, 1975 г.

Ил. 4. Башня в Бақдаб-росо (Кахиб).
Фото из Архива ГБУ РЦОПИК, 2021 г.

Ил. 5. Мусрухская башня. Фото из Архива ГБУ РЦОПИК, 2021 г.

Ил. 6. Мунинская башня. Фото Архива ГБУ РЦОПИК, 2021 г.

Ил. 7. Ицаринская башня. Фото Архива ГБУ РЦОПИК, 2021 г.

Ил. 8. Нютюгская башня. Фото Архива ГБУ РЦОПИК, 2022 г.

Ил. 10. Башня в Кица. Фото Архива ГБУ РЦОПИК, 2015 г.

Ил. 11. Башни Гоора.
Фото Архива ГБУ РЦОПИК, 2021 г.

Мусаев М.А.

ШИЛЕ-ГУЛЛИНСКИЙ ДЕРЕВЯННЫЙ МОСТ

Трудности сообщения в условиях сильно изрезанного горного рельефа Дагестана обусловили необходимость устройства мостов. Очевидно, что они строились с глубокой древности из наиболее доступных материалов – камня и дерева.

Изучение мостов, являющихся объектами культурного наследия, показывает, что в большинстве своем они арочные, возведенные из камня. Чаще арки полуциркульные, встречаются пологие, в редчайших случаях – стрельчатые (ил. 1–4).

Довольно большой массив составляют железные мосты, построенные в конце XIX в., а также один железобетонный, которому сейчас чуть более ста лет.

В отдельную группу следует выделить мосты консольного типа. Их на государственной охране находится несколько единиц, при этом, судя по имеющимся источникам, они были довольно распространены в Дагестане в XIX в. (ил. 11–16). Весьма ограниченное число сохранившихся консольных мостов, обусловлено тем, что они возводились из дерева (или из дерева и камня), и, соответственно, не были столь долговечными, как каменные.

Консольными мосты называются потому, что их пролетные строения свешиваются за пределами опор. Мосты данного типа, возводившиеся в Дагестане, имеют ряд преимуществ в отношении каменных арочных: дешевле в строительстве; легче и быстрее восстанавливаются при повреждениях; могут быть быстро разобраны при необходимости обеспечения обороны. К недостаткам следует отнести меньшую долговечность и грузоподъемность. Последний фактор вплоть до начала XX в. в горных условиях не всегда был актуален, поскольку предназначением мостов было обеспечение переходов через реки, овраги и ущелья пеших и конных людей, скота, вьючных животных с грузом и груженых арб. При этом практика их эксплуатации вплоть до сегодняшних дней показывает, что по сохранившимся деревянным (а также деревянно-каменным) консольным мостам безопасно передвигаются тяжелые грузовые автомобили. Таким образом, мы можем отметить, что каменные мосты строились в том случае, когда требовалась долговечность.

Специальные исследования по истории мостостроения в регионе и техническим особенностям их устройства отсутствуют, при этом

есть несколько трудов, посвященных путям сообщения¹. Слабая изученность вопроса и его актуальность требуют проведения научных изысканий. Пытаясь восполнить этот пробел, мы приведем некоторые сведения о дагестанских мостах консольного типа. Самый яркий в их числе **Шиле-Гуллинский деревянный мост**.

Мост расположен на Ханагской реке (Ханагчай), временами многоводной, протекающей в данной зоне по глубокому ущелью, между селениями Шиле и Гулли современного Табасаранского района. Границы земельной собственности указанных селений неизвестны, но, учитывая, что, как правило, ими служили естественные природные барьеры, то, судя по всему, он возведен на их границе. Мост обеспечивал товарообмен между селениями, расположенными по обоим берегам реки, а также связывал левобережные из них с населенными пунктами бассейна реки Рубас.

Обоснованием того, что он был необходим именно для товарообмена, служит тот факт, что мост по своему предназначению аробный. Для преодоления реки людьми или скотом не было необходимости строить его столь широким и прочным, затрачивая излишние трудовые и материальные ресурсы. О степени его прочности свидетельствует то, что вплоть до 2019 г. он использовался и для автомобильного транспорта, пока рядом не был возведен современный железный мост с бетонным основанием.

Консольный мост выстроен в самом узком месте русла реки, где берег со стороны Шиле высокий (левый по течению), а Гулли – низкий (правый по течению). Ширина моста 4 м, общая длина мостового перехода более 40 м, из которых примерно 30 – это непосредственно мост, а остальная часть – это насыпи, обеспечивающие подход к нему. Если со стороны Шиле насыпь занимает около 2 м, то со стороны низкого Гуллинского берега – 8 м. Максимальная высота конструкций моста составляет более 7,5 м, при этом он возвышается над гладью воды на 8,3 м. Он не является строго горизонтальным, а имеет выраженный спуск к гуллинскому берегу (ил. 5-8).

Наибольший интерес представляет масштабная конструкция опоры моста со стороны Гулли. На относительно ровном берегу реки возведено каменное основание на глиняном растворе. Оно имеет размеры 4,5/2,7×3х2 м, где ширина (сторона, обращенная к реке) составляет 3 м, высота – 2 м.

Выше располагается деревянная часть опоры моста. Бревна в ней уложены горизонтально по направлению моста так, чтобы каждый последующий верхний ряд выступал вперед, образуя очередную консоль. Таким способом, уложив брус в 16 ярусов, при высоте

---

¹ В их числе следует указать монографию А.Г. Мансуровой «Дороги и их роль в социально-экономическом и культурном развитии Дагестана во II половине XIX – начале XX в.». Махачкала, 2015.

деревянной конструкции в 5,4 м, архитекторам удалось уменьшить пролет на 5 м.

Интересна конструкция моста. Снаружи он сложен из хорошо обработанных, прямоугольных, плотно подогнанных бревен (бруса), уложенных по направлению моста. Боковины мостовой опоры стянуты между собой горизонтальными перпендикулярными балками. Со стороны реки они крупные по размеру и уложены между бревнами, а в остальной части – значительно меньше и пропущены через отверстия. Для прочности стяжки бортов они просверлены в выступающей части и закреплены задвижками. Последние замыкают не каждую поперечную балку индивидуально или попарно, а проходят насквозь через весь вертикальный ряд. Для дополнительной прочности под одним из ярусов консоли установлены деревянные колонны высотой 2,2 м. Таким образом архитектору удалось обеспечить прочность конструкции по всем направлениям нагрузки.

К отмеченному выше следует присовокупить, что в среднем брус имеет размеры около 40×40 см, а длину 6 м. В длину они соединены между собой по типу «в пол дерева».

Устой моста с другой стороны берега по своей конструкции идентичен, но меньше в масштабах. Это обусловлено высоким берегом, образованным скальным основанием. На нем имеется каменная опора, продолжающаяся сборной деревянной конструкцией в 6 ярусов, образующей консоль.

Таким образом, при ширине у основания (от скалы на гуллинском берегу до каменной опоры на стороне Шиле) в 12 м, центральный балочный пролет моста за счет консолей минимизирован до почти 6 м.

Письменных свидетельств о дате строительства моста не имеется. Местные жители не могут сказать, когда он был возведен. По их сообщениям, о времени строительства моста не знали и самые старые жители указанных сел в середине прошлого века. Они лишь отмечали, что это происходило не на их памяти. Таким образом, мы можем предположить, что верхней датой может служить третья четверть XIX в. При этом нельзя не допустить, что мост на века старше. Соответственно, датировка строительства моста может быть осуществлена только естественнонаучными методами.

Мосты подобной конструкции известны в Дагестане, некоторые из них сохранились. В качестве примера можно привести мост в с. Кунки Дахадаевского района (ил. 9), являющийся памятником регионального значения [1, с. 1092, 1112]. В паспорте объекта указано, что он относится к XIV–XV вв., при этом надпись на каменной части опоры моста сообщает, что он был обновлен в 1907 г. Следует указать, что Кункинский мост не столь совершенен, как

Шиле-Гуллинский, поскольку последний снабжен сложной системой стяжки бортов и является более масштабным и технически сложным сооружением.

Консольный мост сохранился также в с. Корода Гунибского района (ил. 10). Еще в середине XX в. аналогичные по конструкции мосты зафиксированы в Цунтинском, Гляратинском и Рутульском районах (ил. 17–18), а также в др. местах Дагестана.

Выше отмечалось актуальность изучения истории развития мостостроения в регионе. На первом этапе исследования могут ограничиться описанием старых мостов, сохранившихся в Дагестане, установлением личностей мостостроителей², сбором исторических сведений о них (упоминание и описание в письменных источниках, изучение надписей на самих мостах об их строительстве и реконструкции, выявление их изображений – рисунков и фотографий).

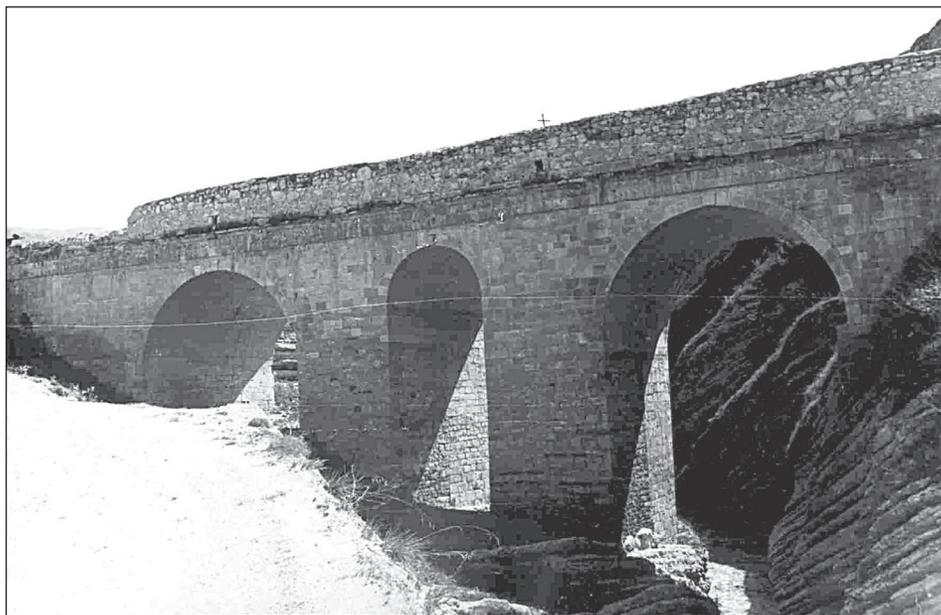
В заключение следует отметить, что Шиле-Гуллинский деревянный мост является объектом культурного наследия регионального значения с 2022 г.

Список литературы

1. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Результаты эпиграфической экспедиции в Дахадаевский район Дагестана в 2020 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 4. 2021. С. 1084–1129.

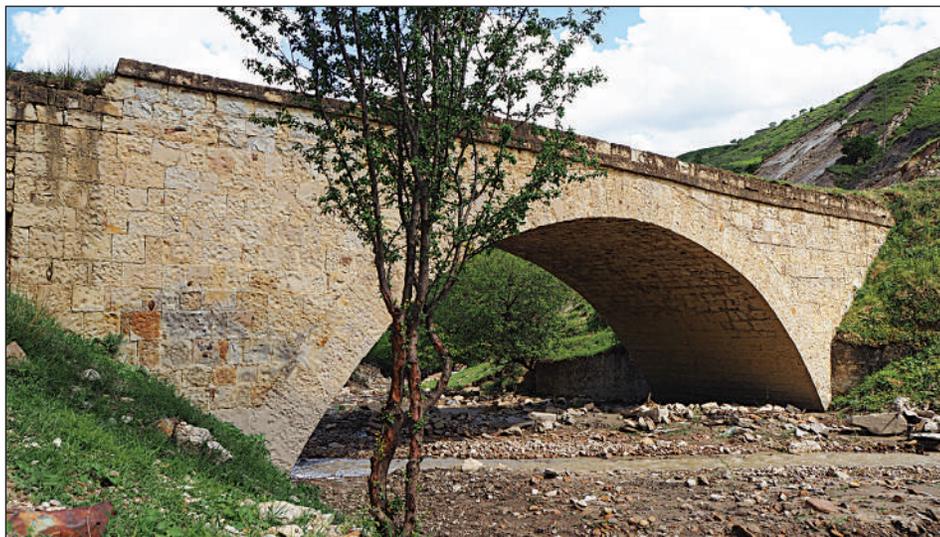
² Имена строителей зачастую увековечены надписями на мостах. Широкую известность получил мастер Гаджи (ХИажияв) из с. Ругуджа, который построил 18 арочных каменных мостов в 1940-х – 1970-х гг.

Ил. 1. Цудахарский мост через р. Казикумухское Койсу.
Фото из Архива ГБУ РЦОПИК

Ил. 2. 17-арочный мост в с. Касумкент.
Фото из Архива Дагнаследия, 2023 г.

Ил. 3. Мост через речку «Годоб-гъар»
(с. Ругуджа). Фото автора, 2019 г.

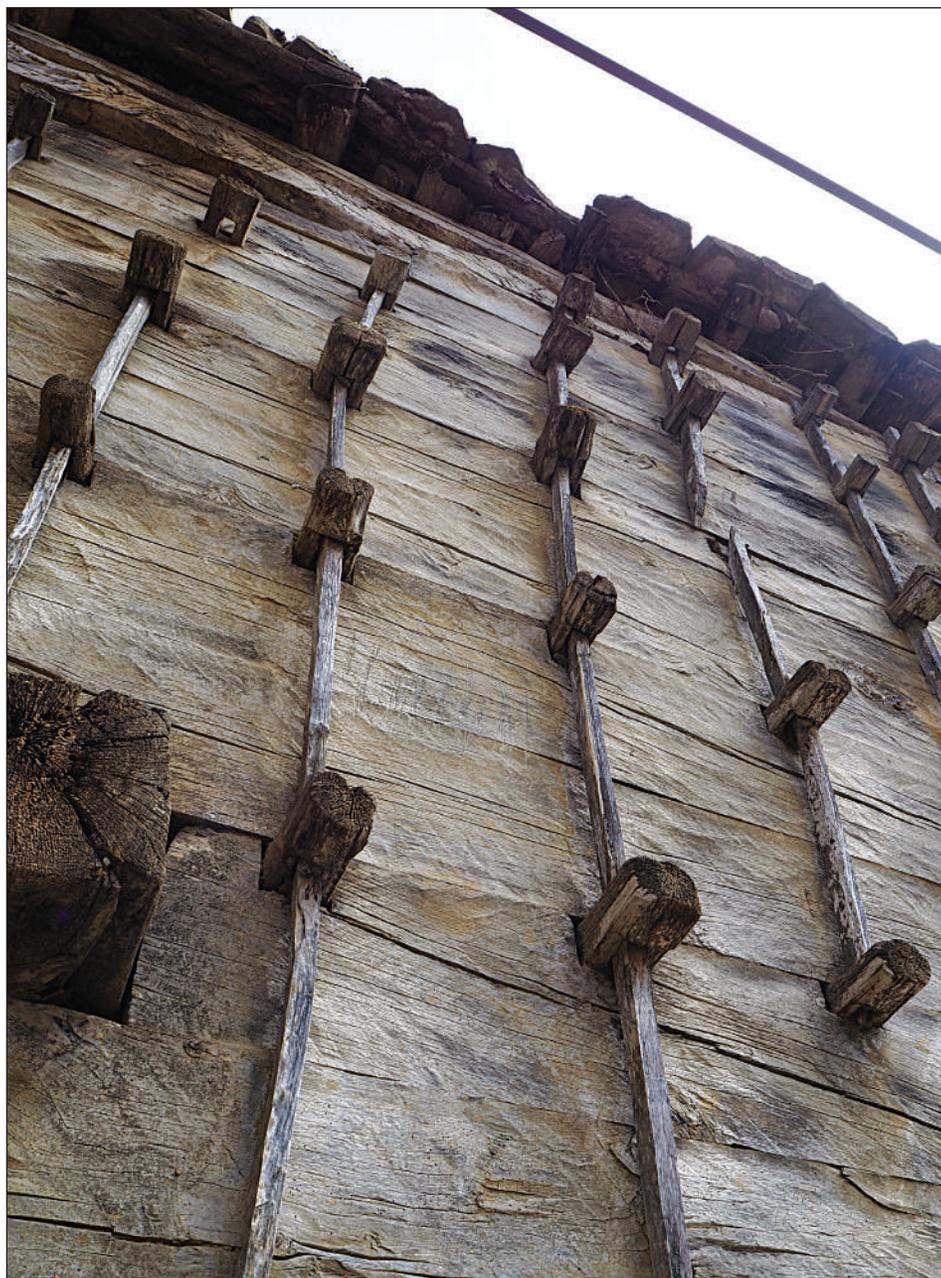
Ил. 4. Мост со стрельчатой аркой
(с. Кубачи). Фото автора, 2023 г.

Ил. 5. Шиле-Гуллинский мост (Табасаранский район). Общий вид.
Фото автора, 2021 г.

Ил. 6. Шиле-Гуллинский мост (Табасаранский район). Устой правого берега.
Фото автора, 2021 г.

Ил. 7. Шиле-Гуллинский
мост (Табасаранский район).
Фото автора, 2021 г.

Ил. 8. Шиле-Гуллинский мост (Табасаранский район).
Устой левого берега. Фото автора, 2021 г.

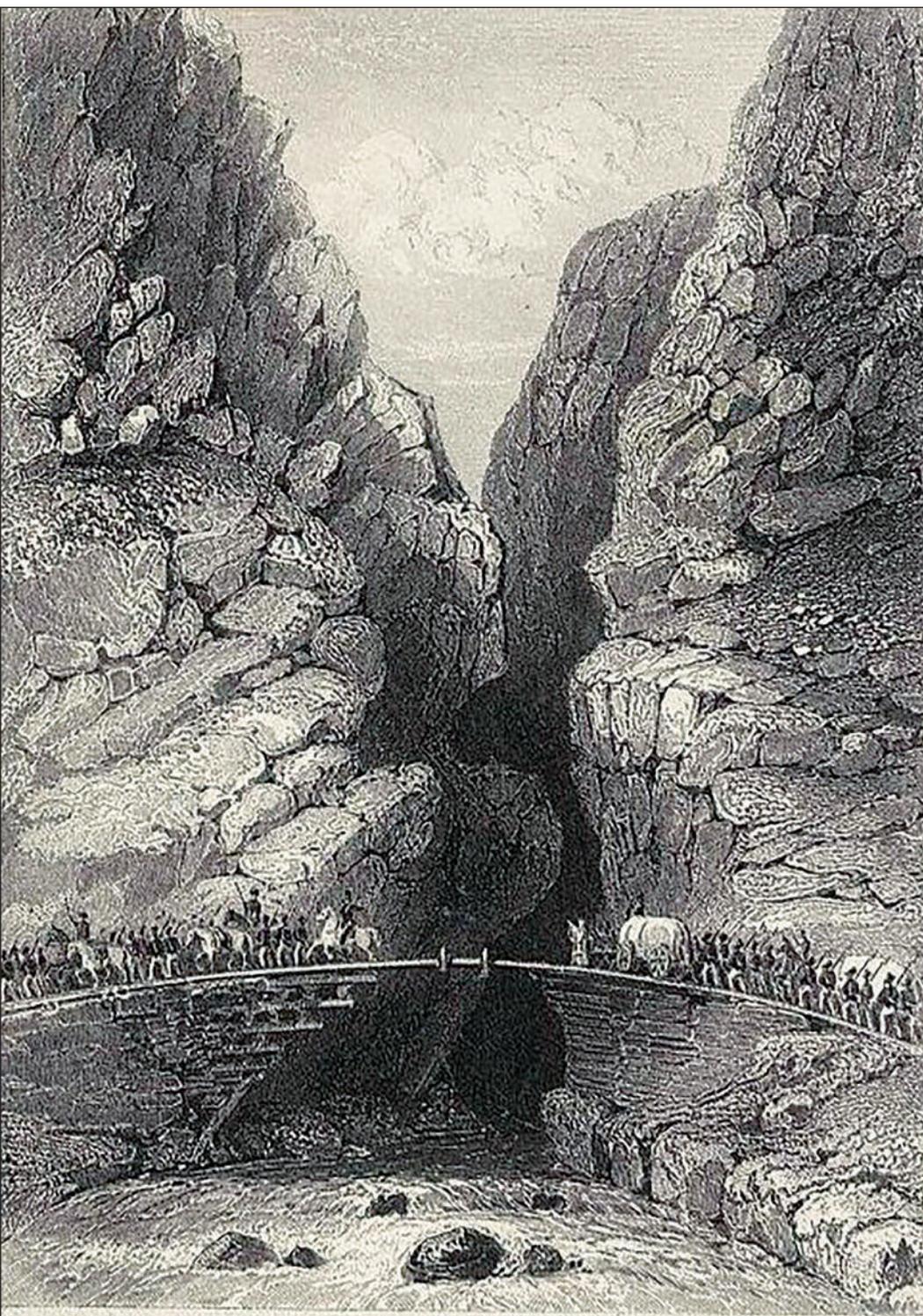
Ил. 9. Кункинский мост (Дахадаевский район). Фото автора, 2020 г.

Ил. 10. Мост в с. Корода
(Гунибский район).
Фото из Архива ГБУ РЦОПИК, 2018 г.

Ил. 11. Фрагмент литографии Г.Г. Гагарина «Дагестан. Чертов мост», опубликованной в альбоме «Живописный Кавказ» в 1847 г. Мост располагался между сс. Гимры и Унцукуль

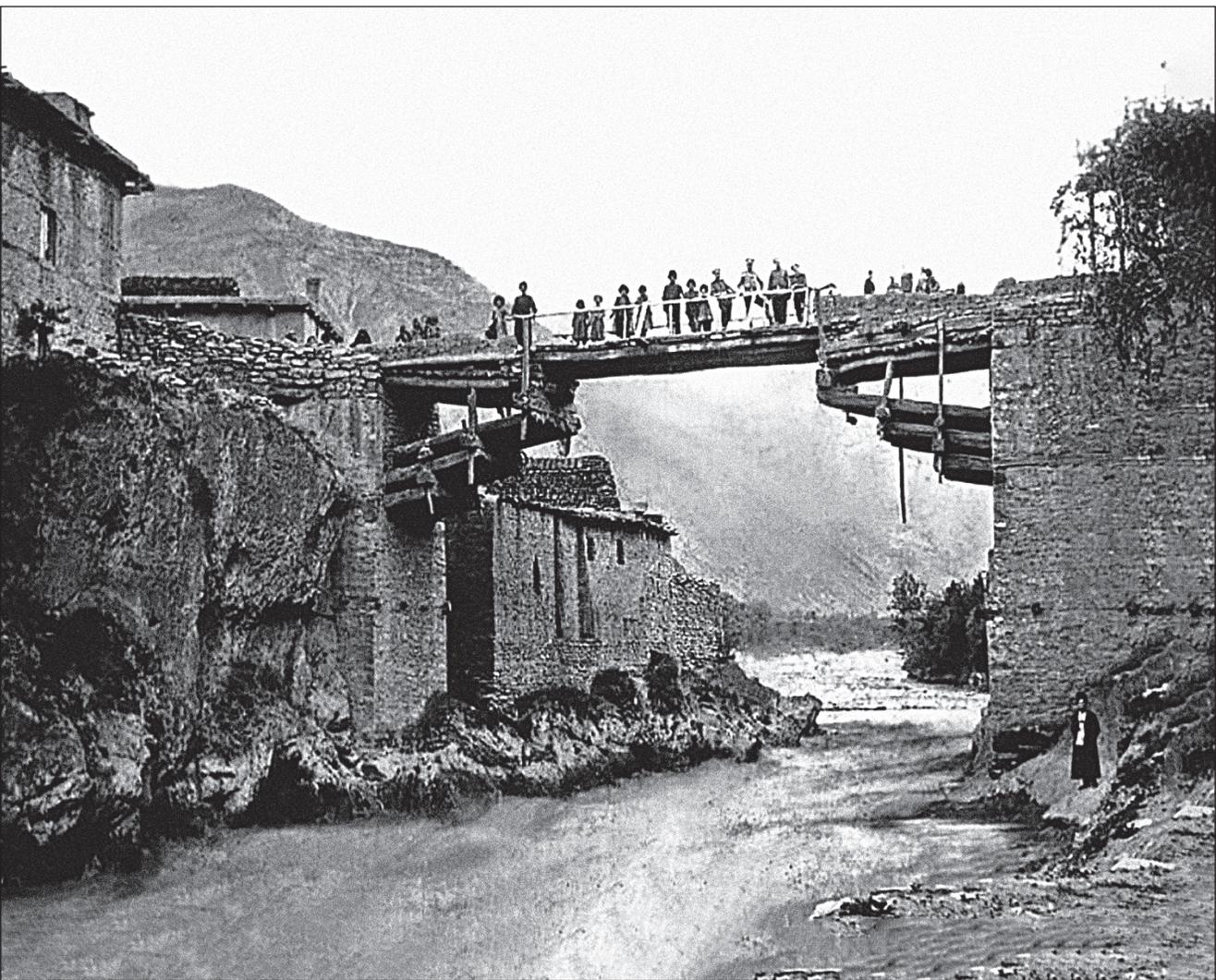
Ил. 12. Гравюра Флойда «Дагестан. Мост через реку Кара-Койсу, близ аула Салты». 1850-е гг. Салты». 1850-е гг.

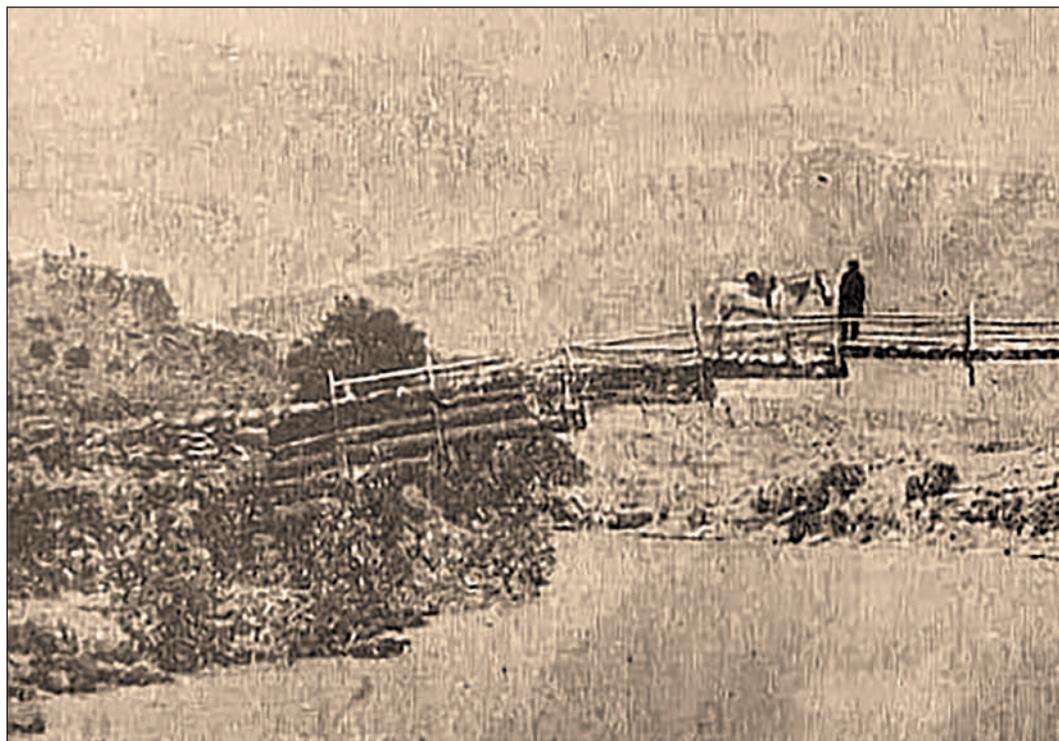
Ил. 13. Игалинский мост.
Фото поручика Кондратенко, 1860-е гг.

Ил. 14. Рисунок Халилбека Мусаясула (1896-1947).
Иллюстрация к книге «Страна последних рыцарей»

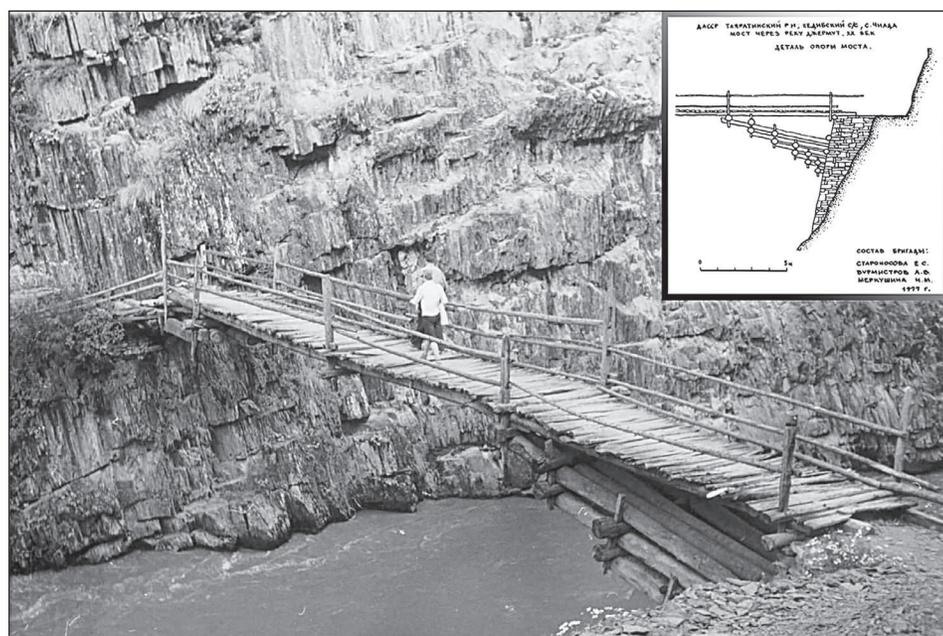
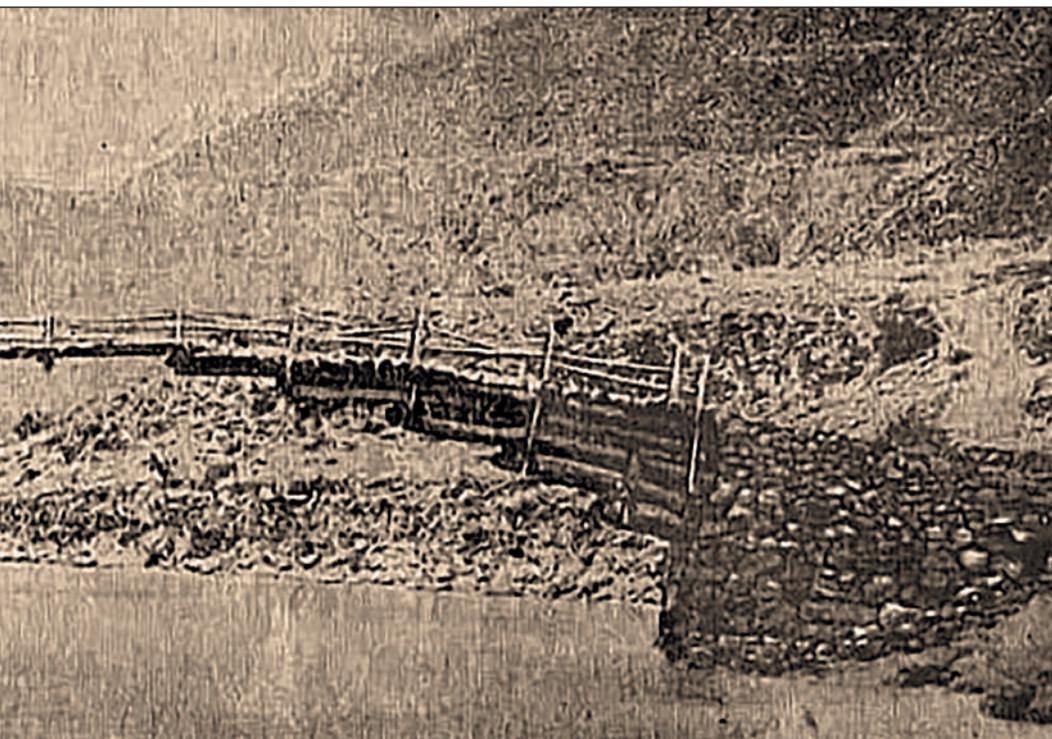
Ил. 15. Мост в с. Ахты. Фото
(между 1897-1902 гг.) Э.Т. Бирзниец-Упит.
Снимок опубликован в журнале «Дагестан»
в 2023 г.

Ил. 16. Чиркатинский мост,
фото середины XIX в.

Ил. 17. Мост через р. Самур, Рутульский район, 1952 г.
Фото из Архива ГБУ РЦОПИК

Ил. 18. Мост в с. Чилда (Тляратинский район).
Фото и схема Е.С. Староносовой, 1977 г. Архив ГБУ РЦОПИК

Гаджиев Р.И.

ДОМ ГАМЗАТА ЦАДАСЫ

В Дагестане в нескольких километрах от древнего Хунзаха на живописном плато расположено село Цада. Название села с аварского языка переводится «в огне», и, как предполагают краеведы, связано с расположением его на солнечном склоне горы, или с тем, что в старые времена в день зимнего солнцестояния жители разжигали костры в его окрестностях.

Село известно не столько благодаря историческим событиям, происходившим здесь, сколько незаурядными личностями, которые в нем родились и жили. Прежде всего Цада получило известность как родина Гамзата Цадасы (Гамзата из Цада), родившегося здесь 9 августа 1877 г. Гамзат Цадаса – классик дагестанской литературы, основоположник советской дагестанской литературы, первый детский писатель, драматург, прозаик, переводчик, ученый-арабист, просветитель. Он был удостоен звания лауреата Сталинской премии, отмечен государственными наградами – орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Ленина, медалью «За оборону Кавказа».

До того, как профессионально заняться творчеством, Цадаса пробовал себя в различных сферах – был имамом и судьей в родном ауле, работал на железной дороге и лесоповале, был хлеборобом. Свои первые стихи он опубликовал в начале 20-х гг. XX в., уже будучи популярным поэтом в народе, в аварской газете «Красные горы», где работал редактором. В 1934 г. был принят в Союз писателей СССР. Родина по достоинству оценила поэта – в разные годы он принимал участие в самых важных событиях страны: Цадаса был делегатом I съезда советских писателей, членом ЦИК Дагестана, депутатом Верховного Совета СССР 3-го созыва, депутатом Верховного Совета Дагестанской АССР.

Цадаса скончался 11 июня 1951 г. в Махачкале. Учитывая его заслуги, уважение народа к его личности и таланту, в целях увековечения памяти о нем, он был похоронен в Махачкале на центральной аллее, ведущей к площади имени В.И. Ленина.

Первый народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса прожил 74 года и 60 из них он посвятил творчеству. В памяти народа он остался непревзойденным мастером сатиры и юмора, талантливым баснописцем и драматургом, создателем поэм и стихов, переводчиком, исследователем национальной словесности и богословом. О себе он говорил: «Моя жизнь – в моих книгах».

У Гамзата Цадасы было четверо сыновей, двое из которых не вернулись с фронта. Двое других – Расул и Гаджи – прославили Дагестан. Расул Гамзатов – советский писатель, поэт, публицист, прозаик, переводчик, Герой Социалистического Труда, народный поэт Дагестана, заслуженный деятель искусств Республики Дагестан, лауреат Сталинской и Ленинской премий, премии РСФСР им. М. Горького, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного, кавалер четырех орденов Ленина, автор всемирно знаменитых стихов «Журавли». Гаджи Гамзатов – советский и российский литературовед, фольклорист, социолингвист и востоковед, доктор филологических наук, профессор, действительный член Российской академии наук, Заслуженный деятель науки Дагестанской АССР и Российской Федерации.

В 1967 г. в его родном доме в Цада был открыт на общественных началах Народный музей Гамзата Цадасы. В 1973 г. музей получил официальный статус и стал называться «Литературно-мемориальный музей Г. Цадасы». В настоящее время Дом-музей Гамзата Цадасы является филиалом Национального музея Республики Дагестан им. А. А. Тахо-Годи. Экспозиция посвящена жизненному пути поэта. Среди экспонатов значительную часть занимают фотографии и книги. В музее собраны рукописный фонд, личные вещи и переписка Г. Цадасы. В его кабинете сохранилась мебель и ковры, сотканые супругой поэта Хандулай, бурка, патефон, свадебный подарок старшему сыну Магомеду и невестке Хузу. Уникальная часть фонда – коллекция арабских книг XVI–XX вв. из личной библиотеки Г. Цадасы. В другой комнате представлены предметы повседневного быта семьи. Во дворе можно увидеть хозяйственную утварь и деревянную арбу.

В 1975 г. Советом Министров Дагестанской АССР было принято решение о признании Дома-музея Гамзата Цадасы памятником истории и включении его в «Перечень памятников культуры Дагестанской АССР, подлежащих охране, как памятник местного значения» (Постановление № 289 Правительства Республики Дагестан «О памятниках культуры, находящихся на территории Дагестанской АССР, подлежащих государственной охране» от 15.08.1975 г.).

В 2017 г. Дом-музей Гамзата Цадасы был учтен в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения.

Традиционно, когда говорят о дагестанских аулах, перед глазами всплывает картина множества нагроможденных друг на друга домов с плоскими крышами, образующими десяток или больше террас из каменных стен и глиняных крыш. Селение Цада не совсем похоже на традиционное дагестанское горное селение. Это обусловлено тем,

что оно располагается на относительно пологом склоне, дома хоть и скучены, но, повторяя рельеф местности, не стремятся в высоту. Своим архитектурным обликом Цада в большей степени напоминает маленький предгорный аул.

Дом-музей Гамзата Цадасы расположен в наиболее высокой части села. Это один из самых больших домов старой застройки, с собственным двором, что редко встречается в горных селениях. Еще одной особенностью, не характерной для горных домов, можно считать наличие второго входа.

Когда-то дом Гамзатовых был меньше по размерам, прост и практичен. По воспоминаниям Хандулай, супруги Гамзата Цадасы, он был одноэтажным и состоял из двух комнат, коридора и открытой террасы. Имелись сараи и сенохранилище. Крыша была с земляным накатом и после каждого дождя обкатывалась специальным круглым тяжелым камнем.

В 1928 г. Гамзат Цадаса отремонтировал первый этаж дома и для старшего сына Магомеда построил второй этаж, состоящий из двух комнат и террасы с отдельным входом. Но долго пожить в ней Магомеду не пришлось – он погиб на фронте. Хранила очаг его супруга Хузу, которая жила в этом доме до конца своих дней.

В этом доме впервые проявил свой талант Расул Гамзатов. Уже будучи признанным поэтом, когда он приезжал в село, всегда останавливался здесь, в той части, которая принадлежала Магомеду. Расул говорил: «Без этой комнаты я не представляю Цада».

В год 50-летия Расула Гамзатова второй этаж дома был отремонтирован. Была установлена четырехскатная крыша, она была покрыта оцинкованным железом, веранды застеклены, а внутренняя штукатурка обновлена. После 1973 г. дом больше не перестраивался и сохранил свой облик до настоящего времени.

Сегодня Дом-музей Гамзата Цадасы представляет собой двухэтажное прямоугольное строение из камня на глиняном растворе. Межэтажное перекрытие и перекрытие крыши – балочные, деревянные, утепленные глиной. Веранда второго этажа опирается на деревянные опорные столбы, единственным декоративным элементом конструкции которой является наличие капителей. В аулах Дагестана не было принято строить высокие дома, в целях экономии тепла. Поэтому высота потолка первого этажа дома – 2,4 м, она почти не отличается от высоты второго этажа – 2,9 м.

Во дворе имеются хозяйственные постройки, внешние стены которых являются забором. Остальная часть двора огорожена каменной стеной.

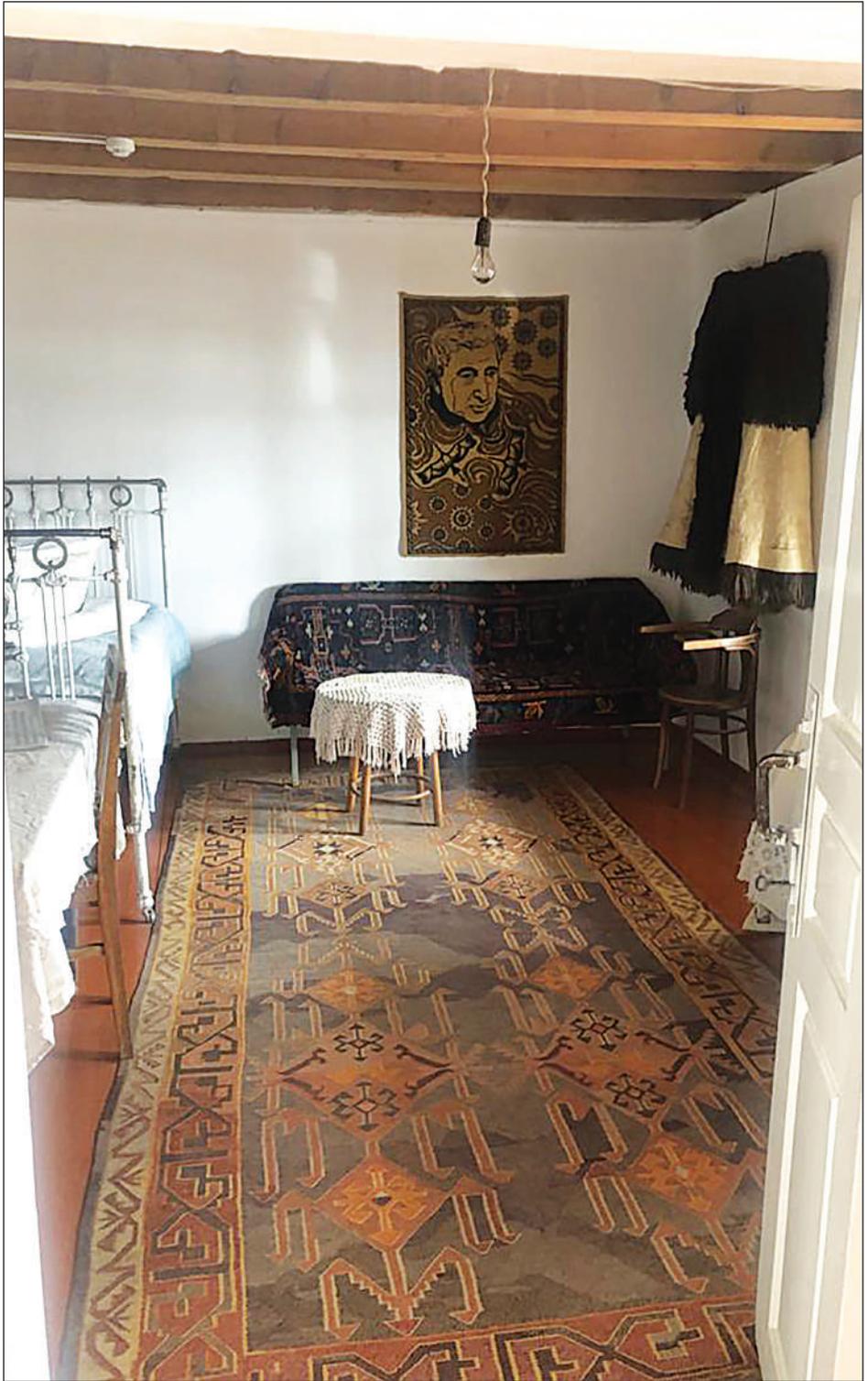
Со двора на второй этаж ведет каменная лестница, выходящая на крышу одноэтажной постройки, которая является проходом в жилые

помещения второго этажа. Территория дома разделена на две части, фактически на два хозяйства.

К 100-летию юбилею Расула Гамзатова в 2023 г. Дом-музей Г. Цадасы был отремонтирован. Он является памятником истории, а также обладает безусловной ценностью с точки зрения архитектуры, так как в нем сохранились традиционные элементы горской архитектуры.

Ил. 1. Портрет Г. Цадасы. Автор – художник Али из с. Батлаич

Ил. 3. Двор части дома, в которой жила семья Г. Цадасы

Ил. 4. Интерьер дома Г. Цадасы. Портрет Хандулай. Автор – М.М. Шабанов

Ил. 5. Интерьер. Портрет Г. Цадасы. Автора установить не удалось

Ил. 7. Двор части дома, в которой жила семья Г. Цадасы

Ил. 8. Второй этаж части дома, в которой жила семья Г. Цадасы

Ил. 9. Каменная лестница на второй этаж. Часть дома, в которой жила семья Г. Цадасы

Ил. 10. Вход в часть дома
Г. Цадасы, построенную
для сына Магомеда

Ил. 11. Часть дома Г. Цадасы,
построенная для сына Магомеда

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ СБОРНИКА

Абдулаев Абдула Магомедович,

младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала)
realhigh87@mail.ru

Гаджиев Руслан Ибрагимович,

кандидат исторических наук, директор ГБУ РД «Республиканский центр охраны памятников истории, культуры и архитектуры» (г. Махачкала)
gadjevruslan05@mail.ru

Идрисов Идрис Абдулбутаевич,

кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала)
idris_gun@mail.ru

Мусаев Махач Абдулаевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала), руководитель Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан
mahachmus@yandex.ru

Сайпудинов Мурад Шахбанович,

младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала); главный специалист-эксперт ГБУ РД «Республиканский центр охраны памятников истории, культуры и архитектуры» (г. Махачкала)
haosta@mail.ru

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич,

научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала)
shehmagomedov.magomed@yandex.ru

Шихалиев Шамиль Шихалиевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель научной группы археологии и источниковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала)
shihaliiev74@mail.ru

Научное издание

**ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА:
сборник статей**

Ответственный редактор
Мусаев М.А.

Корректор
Капланова Л.Ш.
Верстка
Раджабова С.Ш.

Подписано в печать 18.08.2023.
Формат 70x100 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ.л. 10,32.
Тираж 300 экз. Заказ № 57

Отпечатано в типографии ИП Джамалудинов М.А.
367013 РД, г. Махачкала, ул. Пушкина, 46.
Тел.: +7(906) 450-94-44

**МОЙ
ДАГЕСТАН**

Расул Гаматов

100

**НАШ
РАСУЛ**

1923-2023